

**ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ**

6

1947

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 6

Июнь 1947 года

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Церковная жизнь

К 50-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ МИТРОПОЛИТА ГРИГОРИЯ

27 апреля 1947 г., в неделю Жен Мироносиц, исполнилось 50 лет служения Церкви Божией в священном сане и духовно-учебной деятельности Митрополита Ленинградского и Новгородского Григория.

В день своего юбилея Митрополит Григорий совершил Литургию в Кафедральном соборе г. Ленинграда в сослужении с викарием Ленинградской епархии Симеоном, епископом Лужским, и 20 священниками.

После Литургии, пред благодарственным молебном, преосвященный Симеон прочел Митрополиту Григорию адрес от лица духовенства Ленинградской епархии. Были произнесены полные любви и уважения приветственные речи Митрополиту Григорию ректором Ленинградской Духовной Академии протоиереем Иоанном Богоявленским, кафедральным протоиереем П. Тарасовым, благочинным церквей г. Ленинграда протоиереем Н. Ломакиным, благочинным пригородного района протоиереем А. Мошинским и старостой Князь-Владимирского собора в Ленинграде Б. И. Бычковым.

На собрании, после церковного богослужения, Митрополита Григория приветствовал от имени Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР Уполномоченный по Ленинграду и Ленинградской области А. И. Кушнарев, который обрисовал деятельность Митрополита Григория на пользу Церкви и Родины в период управления им епархией сначала в сане архиепископа Псковского, а затем в сане Митрополита Ленинградского и Новгородского.

Святейший Патриарх Алексей прислал Митрополиту Григорию телеграмму следующего содержания:

«В знаменательный день полувекового служения Вашего Святой Церкви сердечно приветствую Ваше Преосвященство молитвенным пожеланием еще долгое время послужить Господу в крепости духа и сил во благо Вашей паствы и в помощь мне Вашим многолетним и многоценным опытом.

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси.

Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай приветствовал по телеграфу Митрополита Григория «с золотым юбилеем плодотворной деятельности на благо Церкви и Родины».

Были получены телеграммы от управляющего делами Московской Патриархии протопресвитера Н. Колчицкого, от учебного комитета при Священном Синоде, от редакции «Журнала Московской Патриархии», от личных друзей и почитателей Митрополита Григория.

Имя Митрополита Григория хорошо известно в церковных кругах у нас, и за границей. Его личность ярко очерчена в биографическом очерке на страницах «Журнала Московской Патриархии» (ЖМП 1945 г. № 7) и в книге: «Патриарх Сергей и его духовное наследство».

Митрополит Григорий является одним из высокопросвещенных и энергичных церковных деятелей. Ни одно важное событие в церковной жизни за последние годы не проходило без его участия. Пятидесятилетний юбилей в жизни Митрополита Григория означает 50 лет его непрерывного труда на ниве Христовой, на пользу Церкви Божией. Свыше 50 лет назад, на заре своей юности, Митрополит Григорий, под влиянием религиозного уклада в семье и благодатного влияния на него епископа Олонецкого Павла, принял решение посвятить всю свою жизнь Церкви Божией. И от принятого решения не отступал никогда.

Отрадно было слушать и слышать, как Митрополит Григорий в ответной речи на приветствия, озирая мысленным взором пройденный им пятидесятилетний жизненный путь, словами, полными любви и благодарности, вспоминал своего первого духовного наставника епископа Олонецкого Павла, направившего его на путь духовного служения Церкви Божией. И как тогда в юности, так и теперь, спустя пятьдесят лет, Митрополит Григорий определяет направление своей жизни словами св. Иоанна Златоуста: «Слава Богу за все», «Благослови, душе моя, Господа! Благословен еси, Господи!».

По окончании Духовной Академии Митрополит Григорий посвятил себя духовно-учебной деятельности. Он был епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ, ректором Духовной Семинарии, ректором Богословского Института и затем ректором Высших Богословских курсов в Ленинграде. Он написал множество статей, докладов, отчетов, школьных программ, учебных пособий и являлся организатором открытия многих школ. По его трудам можно изучать историю церковной начальной и средней школы за последние 50 лет. За это время Митрополит Григорий воспитал множество учеников, в сердцах которых возжег веру и любовь к Господу Иисусу Христу и Святой Церкви. Одни из них служат Церкви в священном сане, другие — на различных поприщах гражданской службы. Одним из учеников и воспитанников Митрополита Григория был покойный архиепископ Горьковский Сергей (Гришин).

Но не только в рамках духовно-учебной деятельности протекли 50 лет жизни Митрополита, он вел большую пастырскую, церковно-административную и патриотическую работу. Везде он был на своем месте, везде его деятельность была полезной и плодотворной. Везде его ценили и уважали.

Пятидесятилетний юбилей застает Митрополита Григория полным сил и энергии членом Священного Синода, управляющим двумя обширными епархиями: Ленинградской и Новгородской, председателем учебного комитета при Священном Синоде, выполняющим ответственные поручения Святейшего Патриарха.

От всей души желаем Митрополиту Григорию многих лет и сил для дальнейшего плодотворного его служения Церкви Божией и Родине.

Л. ПАРИЙСКИЙ

РЕЗОЛЮЦИЯ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

«1947 г. Мая 15. Во внимание к трудам Протоиерея Александра Смирнова по должности ответственного секретаря по изданиям Московской Патриархии, и в частности, по изданию книги «Патриарх Сергий и его духовное наследство», — трудам, имеющим общественное значение, — нахожу справедливым наградить Протоиерея Смирнова особой наградой — возложением на него креста, от Патриарха жалуемого.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ».

ОТКРЫТИЕ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Киев — город, где впервые началось духовное просвещение русского народа, где в течение трех столетий существовала единственная в своем роде духовная школа—Киевская Духовная Академия, давшая помимо вклада в дело русской духовной культуры, 5 великих святителей Русской Церкви. При открытии же духовно-учебных заведений в условиях послевоенной обстановки Киев оказался не на первом месте. Его в этом отношении опередили Москва и Ленинград. Открытие Духовной Академии и Семинарии в Киеве задержалось главным образом из-за отсутствия подходящего помещения, вследствие произведенного разрушения города немцами.

В настоящее время — по крайней мере для семинарии — это затруднение осталось позади. Классы и интернат семинарии разместились в здании Михайловского монастыря, в бывших покоях Митрополита Киевского и Галицкого Иоанна и прилегающих помещениях, которые были капитально отремонтированы.

Педагогический персонал состоит из ректора и 5 преподавателей. Ректор и преподаватели семинарии имеют ученую степень кандидата богословия, а преподаватель славянского языка и пения окончил Духовную семинарию, университет по историко-филологическому факультету и консерваторию.

Пока происходил ремонт помещений будущей семинарии были проведены приемные испытания. Вызванные подвергались испытаниям письменным (поверочный диктант и сочинение) и устным по предметам: знание основных молитв и основных событий Священной истории Нового Завета, церковно-славянское чтение, начатки катехизиса, церковный устав, русская литература, история, география и церковное пение. В результате испытаний 11 человек оказались достойными принятия в семинарию, которые с утверждения Митрополита и были зачислены в состав воспитанников первого класса Киевской Духовной Семинарии.

Открытие семинарии было назначено на 18 февраля 1947 года.

О готовящемся торжестве православное население г. Киева было заранее оповещено о.о. настоятелями киевских церквей.

18 февраля — день отдания праздника Сретения Господня и память святителя Феодосия Черниговского.

Накануне торжества в Михайловском монастыре было совершено всенощное бдение с акафистом св. великомученице Варваре, обычно совершаемым в монастыре каждый вторник перед Литургией и перенесенным на всенощную по случаю торжества открытия семинарии. Пели на правом клиросе преподаватели и ученики семинарии под управлением преподавателя пения священника В. М. Кочергина, на левом — братия Михайловского монастыря.

К литии прибыл владыка Иоанн. В служении всенощной и чтении акафиста участвовало 10 священников и 4 диакона. Народу было очень много, и припевы к акафисту пели все молящиеся.

В самый день открытия семинарии Божественную Литургию совершал владыка Иоанн в сослужении 14 священников и 4 диаконов. Хор братии св. Киево-Печерской лавры пел на правом клиросе, преподаватели и ученики семинарии — на левом. После запричастного стиха произнес поучение о высоте пастырского служения ректор семинарии священник С. Афонский.

После Литургии был отслужен молебен перед началом учебных занятий.

Митрополит Иоанн пред началом молебна указал на особый характер познания предметов христианской веры, требующих не одних усилий ума и усвоения знаний книжных, но прежде всего чистоты сердца и доброй христианской воли, почему семинария должна прежде всего воспитывать своих питомцев в духе живой христианской веры, чтобы образовать из них добрых пастырей.

На молебствии молящиеся, во главе с владыкой Иоанном, просили небесного покровителя храма Михайловского монастыря — начальника православных богословов — апостола Иоанна Богослова, великого русского святителя Феодосия Черниговского, в день памяти которого совершалось настоящее торжество, и святую великомученицу Варвару, святые мощи которой нетленно почивают в Михайловском монастыре, — да благословит Господь по их предстательству начинаемое святое дело открытия рассадника духовного просвещения в г. Киеве, и да умудрит учащихся и учащихся к преподаванию и усвоению учения.

Молебствие закончилось возглашением многолетия Святейшему Патриарху Алексию, Митрополиту Киевскому и Галицкому Иоанну, властям и воинству, учащим и учащимся и всем православным христианам.

Во время целования Св. Креста владыка Митрополит окропил святою водою учащихся и учащихся семинарии. Огромное количество молящихся, собравшееся на торжество, долго подходило за благословением к любимому своему архипастырю и не расходилось, обмениваясь радостными впечатлениями и тогда, когда владыка, почетные гости, педагогический персонал и учащиеся из храма проследовали в помещение семинарии, где начался акт ее открытия.

Громким: «Исполла эти, деспота» приветствовали собравшиеся в одной из аудиторий семинарии входящего владыку Иоанна. Спели стихире «Днесь благодать Святаго Духа нас собра», и владыка Митрополит объявил Киевскую Духовную православную семинарию открытой.

За столом президиума заняли места: владыка Митрополит Иоанн, заместитель уполномоченного по делам Православной Церкви при Совете Министров УССР — Г. С. Катунин, уполномоченный по делам Православной Церкви при Киевском облисполкоме — П. Д. Федотов, управделами Экзарха кафедральный протоиерей — К. И. Ружицкий и ректор семинарии священник С. П. Афонский.

Маститый архипастырь Киевский и Галицкий Иоанн обратился к присутствующим с словом, в котором указал на огромный ущерб, нанесенный немецкими фашистами Украине, в частности ее культурным и моральным ценностям. Уничтожая памятники, учебные и ученые заведения, они стремились деморализовать и народное религиозное самосознание, насаждая сектантство, равнодушие к вере. Вызванная к жизни, благодаря благожелательному отношению к этому делу Святейшего Патриарха Алексия и Правительства в лице Г. Г. Карпова, Киевская

Духовная семинария должна залечить раны, нанесенные духовному развитию украинского народа, воспитывая образованных опытных пастырей.

Открываемую семинарию приветствовал зам. уполномоченного по делам Православной Церкви при Совете Министров УССР — Г. С. Катунин, и уполномоченный по делам Православной Церкви при Киевском облисполкоме — П. Д. Федотов, которые пожелали новому учебному заведению успехов в деле воспитания образованных пастырей и добрых сынов Отечества.

Затем с содержательным докладом на тему об истории духовного просвещения в России и на Украине выступил преподаватель церковной истории в семинарии священник А. А. Луценко.

Секретарь Правления семинарии священник Г. М. Едлинский ознакомил присутствующих с современным уставом Духовной семинарии, а ректор семинарии священник С. П. Афонский сообщил об обстоятельствах открытия семинарии, и выразил надежду, что Господь Бог умудрит учащихся и учащихся семинарии успешно выполнить те задачи, которые ставит перед ними св. Церковь и Правительство — воспитать добрых, образованных пастырей и верных детей своей великой Родины.

В промежутках между докладами присутствующие с одушевлением пропели тропари: «Благословен еси, Христе Боже наш» и «Радуйся, Благодатная Богородице Дево!». Пением молитвы «Достойно есть» и «Исполла эти деспота» закончилась официальная часть торжества. После этого владыка Митрополит, почетные гости и корпорация семинарии перешли в одно из помещений семинарии, где был сервирован чай, а учащиеся направились в свою столовую, где им, по случаю торжества, был предложен праздничный обед.

Чай прошел в непринужденной теплой атмосфере ощущения радости осуществления настоящего долгожданного события. Старейший из присутствующих 86-летний протопресвитер Ф. П. Павловский поделился своими воспоминаниями о быте Киевской семинарии за 65 лет до сего времени.

Владыка Митрополит провозгласил здравицу за Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, которому довелось осуществить заветное желание почившего Патриарха Сергия об открытии духовно-учебных заведений. Святейший весьма интересуется жизнью духовных школ и содействует всячески наилучшей постановке в них учебно-воспитательного дела.

Второй тост владыкою был предложен за Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР — Георгия Григорьевича Карпова, всегда внимательного и благожелательного к нуждам Православной Церкви. Тосты были покрыты дружным пением «Многая лета».

Ректор семинарии С. П. Афонский предложил тост за Высокопреосвященнейшего Митрополита Иоанна, который не только благословлял доброе начинание открытия Духовной семинарии в Киеве, но и внес свой богатый педагогический и административный опыт во все стороны ее начинающейся деятельности, интересуясь даже мелочами ее устройства, и является истинным добрым гением новой школы. Второй тост о. ректор провозгласил за отсутствующего по служебным обстоятельствам уполномоченного по делам Православной Церкви при Совете Министров УССР П. С. Ходченко и его сотрудников Г. С. Катунина и П. Д. Федотова, неизменных доброжелателей Православной Церкви на Украине.

Эти тосты также встретили живой отклик в пении: «Многая лета».

Добрým словом была помянута незаметная, но плодотворная и дружная работа о.о. благочинных, духовенства и мирян по сбору средств для ремонта и устройства семинарии в тóсте управделами Экзарха кафедрального протоиерея К. И. Ружицкого; не были забыты учащие и учащиеся семинарии в милостивом обращении владыки Митрополита.

Протопресвитер Ф. П. Павловский вспомнил о заслугах по открытию семинарии протоиерея К. И. Ружицкого, на что присутствующие воспели «Многая лета».

В 4 часа дня благодарением Господу закончилось торжество, причем собранием было решено послать приветственные телеграммы Святейшему Патриарху Алексию и Председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР — Г. Г. Карпову, следующего содержания:

«Москва, Святейшему Патриарху Алексию

Открывая с благословения Вашего Святейшества Киевскую Духовную Семинарию испрашиваем Ваших Святых молитв и просим Вас как Первосвятителя Русской Православной Церкви принять новооткрытый очаг духовного просвещения под свое высокое водительство.

Митрополит ИОАНН
Ректор священник АФОНСКИЙ»

«Москва, Председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Георгию Григорьевичу Карпову

Сегодня открыта Киевская Духовная Семинария. Сердца всех присутствующих на торжестве преисполнены горячей любви и благодарности к Вам дорогой Георгий Григориевич за Ваше внимательное отношение и постоянные заботы о рассадниках духовного просвещения долженствующих служить ко благу как церкви Православной так и дорогой Родины нашей.

Митрополит ИОАНН
Ректор священник АФОНСКИЙ»

В ответ на приветственные телеграммы были получены телеграммы:

От Святейшего Патриарха Алексия:

«Митрополиту Иоанну

Божие благословение новому рассаднику духовного просвещения».

От заместителя Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР — С. К. Бельшева.

«Митрополиту Иоанну копия ректору Духовной Семинарии священнику Афонскому

Приветствую открытием Семинарии. Желая чтобы она явилась школой подготовки культурных преданных Родине пастырей Церкви.

БЕЛЫШЕВ».

Событие открытия Духовной семинарии нашло горячий отклик в сердцах верующих киевских церквей. С разных концов поступили и поступают поздравления владыке Митрополиту и корпорации семинарии с великим событием и денежные пожертвования на нужды нового учебного заведения.

Дай Бог новому рассаднику духовного просвещения в Киеве быть достойным преемником своей великой предшественницы — Киевской братской школы — Коллегии Духовной Академии.

РЕКТОР КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
СВЯЩЕННИК С. АФОНСКИЙ

ХРОНИКА

На кафедру епископа Петрозаводского и Олонецкого Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом назначен настоятель Печерского монастыря Псковской епархии архимандрит Нектарий (Григорьев).

* * *

На кафедру епископа Таллинского и Эстонского Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом назначен ректор Ленинградской Духовной Академии и Семинарии протоиерей Иоанн Яковлевич Богоявленский, магистр богословия.

Пострижение в монашество, наречение и хиротония протоиерея Богоявленского будут произведены в Ленинграде.

* * *

Указом Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода преосвященный Михаил, епископ Кировоградский и Чигиринский, уволен на покой, с запрещением в священнослужении, с пребыванием в Жировицком монастыре Барановичской епархии.

речи, проповеди

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

С л о в о,

сказанное в церкви Пятницкого кладбища гор. Москвы

Три недели назад мы праздновали день Светлого Христова Воскресения. Это — наш праздник из праздников, торжество из торжеств. В этот день прославляются все основные, дорогие нашему верующему сердцу, истины нашей веры. В пасхальных песнопениях мы поем: «Днесь — спасение миру», «Пасха — избавление скорби», «Пасха двери райские нам отверзающая», «Пасха всех освящающая верных», и бесчисленное число раз повторяем: «Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!».

Как из солнца исходят неисчислимые лучи, освещающие каждый уголок земного шара, так в событии Воскресения Христова имеют свои корни, свое начало все истины нашего православия.

Мы спасены для вечности; Воскресшим Христом открыты нам райские двери, как говорится в одном из пасхальных песнопений.

Каждый из нас знает, что мы должны быть достойны радостей будущего века, и что не всякий из нас в посмертной своей жизни найдет райские двери открытыми перед собой. Каждому из нас в земной его жизни надо заслужить право на вечные радости.

И вот наша Церковь в первые недели после светлого дня Пасхи и напоминает нам о тех главных добродетелях христианства, о тех непременных спутниках наших на земном пути, без которых никто из нас не имеет права называться истинным христианином, чадом Небесного Отца.

Какие это добродетели, какие это спутники? Вера, надежда, любовь.

Через неделю после праздника Пасхи, в воскресенье, называемое Фоминым, мы прославляем веру, вспоминая исповедание веры в Воскресшего Господа, произнесенное апостолом Фомой после недели сомнений в истине Воскресения Христова. Церковь напоминает нам слова Спасителя, сказанные Фоме, но обращенные ко всем нам: «Блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ио. 20, 29).

Разве можно спасти душу без веры? Конечно, нет. Слово Божие говорит нам: «Без веры угодить Богу невозможно» (Евр. 11, 6). Вера, и только она одна, указывает нам путь к небу и к открытым райским дверям. Во свете веры мы видим своими духовными очами ту лестницу, по которой мы должны подыматься от земли к небу. Тот, кто идет по ступеням этой лестницы: ступеням смирения, кротости, молитвы, покаяния, милосердия, сострадания, поста, чистоты душевной и телесной, терпения, — тот, приближаясь своей душой к Богу, будет введен Им и в райские двери.

Вера не только освещает нам путь к небу, — она согревает нас на этом пути. Не всегда бывает в природе лето, бывает и зима, и дождли-

вая осень. И не всегда бывает радостно, спокойно на душе человека. О, далеко не всегда! В жизни земной всегда скорбей больше, чем радостей. И равнодушие близких, а иногда и их озлобление против нас, и взаимные ссоры, обиды, взаимная ненависть, зависть, клевета, болезни, лишения, смерть близких — все это рождает в нашей душе бесчисленные скорби и страдания. И как согревает нас в минуты этих скорбей наша вера с ее утешениями, с ее вечными и немеркнущими радостями! Одна мысль, одно сознание того, что мы имеем в лице нашего Небесного Отца близкого и любящего нас Божественного Друга имеют силу успокоить самую мятущуюся в своих скорбях душу. Руководимые этой верою, мы идем к райским дверям.

Прошла еще одна неделя после светлого дня Пасхи. В это второе воскресенье наша Церковь чествует святых женщин-мироносиц за их подвиг любви к их Божественному Учителю. Все вы знаете, что эти женщины ходили за Господом в дни земной Его жизни, служа Ему своим имуществом и заботами и слушая Его проповедь. В ночь Воскресения Христова эти женщины, забыв обо всех страхах и об угрозах со стороны врагов Христовых, под покровом темноты направлялись ко гробу Господню, чтобы довершить незаконченное — помазать тело Иисусово ароматами. Их Учитель, истерзанный и униженный, лежал мертвым в гробе; но в их сердцах не только не остывала любовь к Умершему, но разгоралась еще большим пламенем, потому что эта любовь к Господу была у них истинной — глубокой, постоянной, зовущей к жертвам ради любимого.

В лице этих женщин-мироносиц Церковь прославляет любовь и напоминает нам об этой христианской добродетели.

Если мы веруем в Господа Бога, разве мы можем не любить Его всей душой и всем сердцем? Так велит нам любить Себя наш Спаситель, сказав, что такая любовь есть первая и наибольшая наша заповедь (Мф. 22, 38).

Разве возможно для нас не любить своего Небесного Отца, Который дал нам и жизнь, и бессмертную душу, и заботами и любовью Которого окружен каждый шаг нашей земной жизни?

Если мы любим Господа своего, как нам не любить друг друга, исполняя тем самым ту заповедь, какую Спаситель назвал второй, подобной первой? Наша взаимная любовь друг ко другу и дела этой любви: сострадание, безгневие, неосуждение, помощь друг другу в житейских обстоятельствах, — все это составляет то духовное богатство христианина, имея которое, он найдет райские двери открытыми перед собой. Ведь сказано: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7). Пример истинной любви к Богу, вдохновляющей нас и на любовь друг к другу, — дают нам святые женщины-мироносицы.

Прошла еще одна неделя, наступило воскресенье, называемое «неделей о расслабленном». В этот день наша Церковь проповедует нам о третьей главной добродетели христианской жизни — надежде — и прославляет эту надежду в лице того евангельского расслабленного, которого она вспоминает. Вы слышали в евангельском чтении сказание о том, как Господь Иисус Христос встретил в Иерусалиме около так называемой Овчей Купели расслабленного, лежавшего здесь 38 лет. Как говорит евангелист, эта Овчая Купель была чудодейственной: по временам, раз в год, сходил в нее ангел и возмущал воду. Кто из больных первым входил в эту воду после возмущения ее ангелом, выздоравливал, какою болезнью не был бы болен. Этот расслабленный 38 лет ожидал, чтобы кто-нибудь ему помог первым сойти в воду, — и такого человека не нашлось за эти долгие годы. Но он не

потерял надежды, он жил надеждой. И надежда его не посрамила: Спаситель его исцелил.

Надежда — один из тех трех спутников, с которыми каждый из нас должен идти своим земным путем.

Разве мы можем жить без надежды? Все мы — грешники; каждый из нас носит на своих плечах тяжкое греховное бремя. Что было бы с нами, если бы мы не имели надежды на прощение со стороны нашего Небесного Отца? Мы впадали бы в отчаяние, когда обличает нас совесть и подвергает нас своим мукам.

Что было бы с пророком Давидом, если бы он, впад в тяжкие свои грехи, не имел в сердце такой надежды на прощение? Но он эту надежду не только имел и не только ею был приведен к ногам Божиим, но и нам завещает ее в словах своих псалмов. Он говорит: «Блаженны все, уповающие на Него» (Пс. 2, 12). В другом псалме он говорит: «Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется, пребывает во век» (Пс. 124, 1). К чему привели бы муки раскаяния, заполнившего душу апостола Петра после его отречения от Господа, если бы и в нем сразу не затеплился огонек надежды на прощение?

Иуда не имел этой надежды. В его черствой и преступной душе не нашлось места этому святому огоньку и, не имея надежды и впад в отчаяние, он окончил свою жизнь самоубийством.

Каждый из нас, грешников, знает слово, сказанное Спасителем апостолу Петру о том, что прощать человека надлежит столько раз, сколько раз он будет об этом просить. Научая нас прощать друг друга, Спаситель этим говорит нам и о том, что столько же раз Он Сам прощает каждого грешника, обращающегося к Нему.

И пусть ярко горит надежда в сердцах каждого из нас, когда мы идем ко Христу за прощением в грехах!

Такой светлой путеводной звездой является надежда для каждого страдальца. Среди самых тяжелых жизненных обстоятельств никто не думай и не говори себе: я безнадежен, болезнь моя неизлечима, жизнь моя непоправима, нет у меня никакой надежды. Нет и нет! Как бы ни было трудно твое положение и состояние духа, никогда нельзя малодушествовать, унывать и впадать в отчаяние. Бог наш, в Которого мы веруем, — Всемогущ и Всесилен. Надо только с молитвою веры и надежды обратиться к Нему. Мы не знаем, как исцелится наша болезнь, как утихнет наша скорбь и прекратится наше страдание, но мы знаем, что, если будем этого достойны, одним мановением Своей воли Господь все может сделать.

Вот мы окружаем гроб близкого, дорогого нам человека, сердце наше разрывается от скорби. Чем мы можем утешить себя или тех, кто плачет около гроба? Безмерной была бы наша скорбь, если бы не было у нас надежды на жизнь за гробом. И апостол Павел учит нас не скорбеть до отчаяния у гроба близких, говоря, что такое состояние может быть только у язычников, не имеющих надежды (1 Сол. 4, 13). Мы знаем о нашем бессмертии, мы знаем о том, что, если будем достойны, увидим после своей смерти тех близких, разлука с которыми терзает наше сердце. И надеждою на эту встречу мы утешаем свою скорбную душу.

Мы знаем, что придет и последний день этого мира, который будет днем и последнего Суда Божьего над людьми. Чье сердце не трепещет при мысли о том, что это будет суд последний, приговор на нем будет окончательным, и что к этому суду никто из нас не готов? Ни от грехов своих мы не умеем освободиться, ни со страстями своими не ведем никакой борьбы, никакими добрыми делами мы не сопровождаем себя на земном пути и приближаемся к пределу своей земной

жизни с пустыми руками. И что было бы с каждым из нас, какое отчаяние могло бы овладеть нашей душой при такой мысли о нашей духовной бедности, если бы в нас, вместе с верою и любовью к Богу, не было бы святой и спасающей нас надежды? При мысли об этом последнем и страшном суде мы поддерживаем себя надеждой и на то, что Господь даст нам еще хоть немного пожить, чтобы хоть в малой мере искупить свои бесчисленные грехи и сделать хоть одно маленькое доброе дело; и надеждой на то, что Сладчайший Спаситель не отринет молитв за нас Своей Матери — Споручницы грешных, ангела хранителя, тех святых, имена которых мы призываем на своих убогих молитвах, и молитв Св. Церкви о нас после кончины нашей.

Символом веры издавна является крест, потому что мы веруем в Распятого на кресте, спасшего нас Своею крестною смертью.

Символом надежды является якорь, потому что тот, кто носит в своем сердце крепкую христианскую надежду, противостоит всем бурным волнам житейского моря.

Символом любви является сердце, потому что сердце — средоточие любви, как говорит Спаситель: «Добрый человек из доброго сокроуища сердца своего выносит доброе» (Лк. 6, 45).

Вера нам светит на нашем жизненном пути, любовь нас согревает и украшает, надежда укрепляет наш дух. Эти три главных добродетели христианских рождает в сердце человека и все остальные добродетели: молитву, смирение, преданность Промыслу Божию, терпение.

Апостол Павел говорит: «Теперь, то-есть у нас, христиан, пребывают сии три: вера, надежда и любовь» и добавляет: «но любовь из них больше» (1 Кор. 13, 13).

Эта вера в будущей жизни сменится для каждого из нас видением лицом к лицу Того, в Кого мы веруем. Надежда станет осуществлением того, чего мы ожидаем и на что надеемся, а любовь никогда не перестанет (1 Кор. 13, 8); и потому она больше веры и надежды; она, ведь, и «первая заповедь» (Мф. 22, 38).

Но в земной жизни каждого христианина эти три добродетели, как три сестры, одинаково родные сердцу каждого из нас и одинаково необходимы для спасения души, для того, чтобы привести нас к открытым Воскресшим Спасителем райским дверям.

И хочется пожелать вам от всего моего сердца: не только берегите в себе тот огонь святой веры, который вы носите, но пусть он разгорается в вас все ярче и ярче; умножайте в себе любовь к Богу и любовь друг к другу, накапливайте делами любви нетленное духовное богатство; укрепляйте в себе святую надежду на помощь Божию, на всепрощение Божие, на любовь Божию к нам. И пусть вера, надежда и любовь ведут нас за собой в ту страну, где через открытые райские двери души детей Божиих входят в Царство Вечной Славы, входят туда, где Пасха Христова будет праздноваться в бесконечных веках.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАИ

С т т а т т 6 и

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

В связи с выходом в свет книги «Патриарх Сергей и его духовное наследство» Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием награжден золотым крестом с особой надписью протоиерей Александр Смирнов, настоятель Николо-Кузнецкого храма, ответственный секретарь редакции «Журнала Московской Патриархии».

Более тридцати трех лет состоит о. Александр священником в Замоскворечье. Несколько месяцев спустя по окончании Петербургской Духовной Академии, в декабре 1913 г., он начал самостоятельную пастырскую деятельность в церкви Никиты-мученика. С тех пор вся жизнь протоиерея Александра Павловича Смирнова проходит на глазах москвичей. Два храма, в которых он служил, и третий, в котором он служит, находятся поблизости друг от друга: Никиты-мученика, св. Климента и Николо-Кузнецкий. В последнем он состоит настоятелем уже более двадцати лет.

Передо мною пожелтевшие листки с записями тех первых слов, какие молодой священник говорил своей пастве. В них есть много искренних ноток, идущих от сердца, от убеждения в своем пастырском призвании. Такие нотки всегда доходят до верующих и создают единомыслие, невидимую духовную нить между пастырем и паствой. И вполне понятно, что с тех пор, как о. Александр в своем первом вступительном слове в церкви Никиты-мученика сказал: «Приходите же, братие и сестры, возможно чаще к Литургии и будемте вместе в любви и единомыслии, едиными устами и единым сердцем славить и воспевать пречестное и великолепное имя Троицного Бога», с тех пор, в течение тридцати трех лет, связь невидимая, но крепкая о. Александра с прихожанами не прерывается.

Сейчас о. Александру пошел шестидесятый год. Одна из прихожанок пишет ему в стихотворной форме: «духа яркое горенье Вы сохранили до седины». С этим нельзя не согласиться. Годы не высушили, не охладили его. Бодрость, живость, работоспособность, присущие ему, являются отрадными для всех тех, кому дорого дело Русской Православной Церкви. А деятельность его приобрела теперь широкий размах.

Николо-Кузнецкий храм считается одним из лучших в Москве.

О. Александр очень заботится о его украшении, о его благолепии. Придумывает различные новшества, не нарушающие канонов православия, но обеспечивающие его прихожанам лучшее понимание богослужения. Всегда пользуется случаем пригласить служить в свой храм Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, а также знатных гостей, приезжающих издалека, часто из-за границы. Умеет создавать торжественную обстановку в храме. Хором своим он может гордиться.

Заботится о. Александр и о порядке, заранее предупреждая молящихся, как вести себя, как проходить, не толкаясь и не мешая друг

другу. Верующие, из года в год бывающие в Николо-Кузнецком храме, могут заметить: вот отстроили удобное место для хора, вот пристроили балкон, откуда можно говорить проповеди так, что будет слышно во всем переполненном храме.

Протоиерей Александр Павлович Смирнов

В свое время, в Петербургской Духовной Академии идеалом проповедника для о. Александра был профессор — протоиерей П. Я. Светлов. Из его богословских трудов о. Александр больше всего усвоил идею: «Царство Божие есть совокупность всех благ, дарованных нам во Христе». Отсюда у о. Александра чрезвычайно широкое понимание

духовного. В своих проповедях, наряду с цитатами из священных книг и отцов Церкви, он использует и светскую поэзию. Свою кандидатскую диссертацию он писал на тему: «Религиозно-этические вопросы в русской художественной литературе XIX века» (К вопросу о значении русской художественной литературы для пастыря церкви).

В книге протоиерея П. Я. Светлова «Идея царства Божия», которую особенно любит о. Александр, есть строчки: «В индивидуальном сознании не может отразиться вся целиком многогранная и многосторонняя христианская истина; в полноте своей она отражается только в коллективном сознании совокупности всех верующих, или Церкви». Именно эта мысль руководит о. Александром в его пастырской деятельности.

Среди своих прихожан он пользуется любовью и уважением. Чтобы не быть голословной, приведу несколько цитат из многочисленных и личных, и коллективных посланий ему, которые о. Александр бережно хранит как свидетельства теплых чувств любящей его паствы.

«Присоединяясь к многочисленным голосам боголюбивых прихожан Николо-Кузнецкой церкви, выражаем Вам глубокую благодарность за Вашу ревность о благолепии церковном, за Ваше неустанное проповедывание слова Божия...».

«Вы научаете нас глубже понимать евангельские истины, раскрываете перед нами смысл и значение евангельских притч...».

«Из Ваших назидательных уроков я много получила доброго и полезного, я стала как-то совершенней, порвала с дурными привычками и навыками...».

«Вы приложили героические усилия к благоустройству прихода в новых условиях церковной жизни, и мы видим, как в нашем храме чисто, уютно, тепло, светло и великолепно...».

«Мы получили исцеление от равнодушия к вере...».

«Нас поражает богатый источник Вашего воздействия на верующих — живым словом, благолепием богослужения, красотой пения, исключительным ликованием на Пасхе и в другие праздники, методическим воспитанием огромной массы верующих в духе братского христианского объединения в одну духовную семью...».

Деятельность настоятеля большого московского храма о. Александр совмещает с редакционной работой. Его заслугой является неперемное и активное участие в современных изданиях Русской Православной Церкви. Много трудов им приложено к изданию замечательной книги «Правда о религии в России», где он состоял членом редакционной коллегии. С самого начала издания «Журнала Московской Патриархии» он остается несменяемым ответственным секретарем, то-есть по сути дела выполняет всю хлопотливую повседневную работу, связанную с выпуском каждого номера. И, несмотря на такую загруженность, нередко пишет сам.

Последняя большая работа протоиерея А. П. Смирнова, отмеченная высокой наградой Святейшего Патриарха Алексия, заключалась в участии в издании книги «Патриарх Сергей и его духовное наследство». Издание этой книги почти целиком лежало на его плечах. Книга «Патриарх Сергей и его духовное наследство», содержащая более двадцати авторских листов — серьезный документ новейшей истории Русской Православной Церкви. Выход ее в свет — радостное событие для всех, кому дорого дело православия.

Все мы знаем неутомимую энергию о. Александра, его непосредственный, живой и удивительно молодой характер, его увлекающуюся натуру. Надо обладать пытливым умом и редкой энергией, чтобы в его годы систематически изучать, например, английский язык. У людей,

знакомых давно с Александром Павловичем, создается впечатление, что этот человек не только не стареет, но что он даже не достиг еще полного расцвета своих качеств и способностей, не раскрыл всех своих возможностей — будущее принадлежит ему. Работая над собой, учась, он продолжает совершенствоваться.

Как всем увлекающимся натурам, ему свойственно ошибаться. Иногда его непосредственность в выражении своих чувств оказывает ему же самому плохую услугу. Но он никогда не упорствует, видя в неудачах лишь свои ошибки. В одной из речей к пастве он определил свое отношение к превратностям жизни следующими словами: «Чувствуя на себе это вразумляющее и направляющее действие Промысла Божия, я преклоняю колена сердца моего перед Премудрым, полным милости, щедрот и человеколюбия Господом, целую Его благостно вразумляющую меня десницу и говорю: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой, за Твою святую любовь ко мне, яко смирил мя еси, да научуся оправданиям Твоим...».

Патриаршая награда — высокая честь. Поздравим с нею о. Александра и пожелаем, чтобы Бог послал ему долгую и плодотворную деятельность на благо и пользу Святой Православной Церкви.

* * *

21 мая, накануне престольного праздника Николо-Кузнецкой церкви, Святейший Патриарх Алексий совершал в храме о. Александра всенощное бдение. Перед пением «Хвалите имя Господне» Святейший возложил на о. Александра крест с надписью: «Патриаршее благословение протонерею Александру Смирнову за усердное служение Церкви Божией. 9/22 мая 1947 г.».

Перед награждением Патриархом было произнесено сердечное слово, в котором были очерчены выдающиеся заслуги о. Александра.

АНТОНИНА ШАПОВАЛОВА

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ

Свыше 19 столетий прошло с тех пор, как впервые Ангел возвестил Чистой Деве: «Радуйся! и паки реку: радуйся! Твой Сын воскрес тридневен от гроба, и мертвые воздвигнувший, людие, веселитесь!». Но и ныне эта весть все также радостна, все также неисчерпаема блаженна, все также переполняет наши сердца неизреченным веселием! Пронеслась она по лицу земли и полонила сердца миллионов людей... И льнут к ней все трудящиеся и обремененные, ища в ней, и только в ней, успокоение себе...

В чем же сила этой вести? Почему наше сердце, такое чуткое к правде, приемлет ее, как драгоценнейший дар от своего Творца?

«Если Христос не воскрес, — отвечает св. ап. Павел, — то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша... Если Христос не воскрес, то и умершие во Христе погибли... и несчастнее всех» (1 Кор. 15, 14—19). Тогда, поистине, вместе с Екклезиастом, пришлось бы воскликнуть, что и «псу живому лучше, нежели мертвому человеку!».

Но благодарение Господу Богу, Который, даровав нам Воскресение Христа и посему в наших сердцах непоколебимую уверенность в том, что настанет «день оный», когда и все мертвые воскреснут, и оставшиеся в живых изменятся, и все наши тела преобразятся в бессмертные, сообразно славному Телу Христа, ибо «поглочена смерть победою» Христа над смертью... И мы дерзновенно исповедуем, что для нас «смерть есть приобретение и двери гроба — врата жизни вечной», потому что здесь, на земле, мы только «странники и пришельцы», не имеем постоянного жилища, а наше вечное жилище на небесах вместе с Воскресшим и Вознесшимся на небо Христом!..

С таким верованием Св. Церковь Христова совершает домостроительство нашего спасения. С этим верованием она никогда не стареет, но присно юнеет. Это верование является «краеугольным камнем» Церкви Христовой.

Вот почему все нападки на христианство с древнейших времен в конечном счете сводятся к безнадежным попыткам отринуть факт Воскресения Христа в уверенности, что вместе с падением веры во Христа Воскресшего низринется со своих высот в бездонную пропасть истории и величественное здание Церкви Христовой, Которая без веры в Воскресшего Христа превратится в чисто человеческое строение и, подобно всякой человеческой стройке, неминуемо в то или другое время рухнет: «все великое земное разлетается как дым!..»

И когда Церковь Христова в «праздников праздник и торжество из торжеств смерти празднует умерщвление», когда в христианских храмах из уст пастырей Церкви несется преисполненный неописуемого восторга привет «Христос Воскресе!..» и когда в ответ пастырям переполняющая храмы паства едиными устами из глубины своего сердца,

ликуя, отвечает: «Воистину Воскресе!» — чувствуется непоколебимая в веках вера христиан в Воскресение Христа и в грядущее воскресение из мертвых рода человеческого. И невольно уста твердят: «Воистину, Христос Воскресе!».

Воскресши из мертвых и совоскресив с Собою все человечество, Христос вознес человеческое естество на небеса и служит ходатаем, залогом нашего грядущего воскресения.

На небесах одесную Бога Отца сидит человек Иисус, хотя в то же время и Бог; новый Адам, хотя изначально сущее Слово; плоть и кровь, хотя и чистейшие наших, преображенные, но те же по естеству и форме, с которыми Он восшел. Именно плоть человеческая вознесена на небеса и сидит одесную Бога Отца во Христе; именно в этом заключается залог нашего возрождения, восстановления нашего естества, восстановления гармонии между душою и телом. Без этого в человеке всегда будет разлад между душою и телом: душа будет находить удовольствие в законе Божиим, а тело услаждаться законом греховным (Римл. 7, 22—25), ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти; они друг другу противятся (Гал. 5, 16—17).

Значение тела, плоти человеческой, его возвеличение лежит в основании всего христианского вероучения. Тело составляет существенную часть человека. Если первый человек был сначала плоть и уже после делается в душу живу, то новый Адам — Христос потому Адам, что человек, а человек потому, что Он воспринял тело человека, а не только душу человеческую. Телу дано величайшее назначение: сама душа только с ним и в нем может достигнуть спасения.

Таким образом, наша вера и надежда непоколебимы, если наше тело с пребывающею в нем душою, сидит одесную Бога по воскресении из мертвых.

Восприняв плоть и кровь человеческие, кроме присущего им греха, Христос явился посредником между Богом и человеком: Он возвращает в Себе Бога человеку и человека Богу, соединяя и то и другое в одном лице; в Нем вошли в тесное, но неслиянное общение два естества — божеское и человеческое.

Значение плоти, тела человеческого, ее достоинство и возвеличение лежит в основе христианского вероучения. Тело составляет существенную часть человека, без него человек перестает быть человеком в полном смысле, без него личность человеческая шатка, неопределенна, неполноценна. Только воскресение тела человеческого для бессмертия вместе с бессмертной по своей природе душою есть истинное бессмертие, бессмертие человеческой личности, и только это бессмертие является залогом блаженства и спасения человека. Восприятие естества человеческого, — не души только, но и тела — в ипостась Божества служит несокрушимым залогом вечного продолжения личности человеческой. Это — самая отрадная и успокоительная для человека истина; она и есть та благая весть, которая составляет основу христианской проповеди.

Помимо таинственного, благодатного возрождения, не для всякого очевидного в истории, эта истина наглядно преобразует человечество и дает всей его жизни другой характер, другую цель. Из этой истины вытекает серьезный взгляд на земную жизнь и деятельность, как на время приготовления не только души, но и тела, т. е. человека во всей полноте его природы, к блаженному бессмертию. Из этой истины логически следует уважение к человеческой личности во всех состояниях, стремление к устранению всех преград и препятствий к правильному, сообразному с достоинством человека вообще, ее развитию. Эта истина является основой, источником и наивысшею гарантию истин-

ной свободы и благоденствия человека, даже его временного благополучия, и все, что есть самого лучшего в жизни христианского общества не только духовной, но и семейной, общественной, гражданской, — все это есть необходимое последствие и плод указанной истины, и все это дано нам Христом, воспринявшим в Свою ипостась наше бренное тело вместе с душою и даровавшим человеческой плоти воскресение для жизни вечной.

Отсюда уже с неизбежностью вытекает все внешнее и внутреннее устройство Церкви: ее видимость, необходимость в ней таинств с их внешними действиями, необходимость внешнего богочтения, молитв за умерших, необходимость иерархии и т. д.

Тот, кто отвергает, или не понимает этого, неуклонно спеленает себя языческим мирозерцанием или неверием и рано или поздно, но непременно, увидит себя лишь пищею могильного червя, или горстью пепла и с ужасом всем существом своим содрогнется. От этого ужаса спасает человека лишь непоколебимая вера в Воскресение Христа и грядущее воскресение во Христе всего человечества. И никакие чисто человеческие измышления не дадут людям внутреннего покоя и телесного благополучия без веры в Воскресшего Христа и в Нем всего рода человеческого. Без этой веры человечество всегда будет пребывать в «томлении духа безнадежном... в тревогах шумной суеты»... Вот почему наше сердце с такою неизреченною радостью воспринимает привет: «Христос Воскресе!»... и с восторгом отвечает: «Воистину, Христос Воскресе!»...

* * *

Вместе с Воскресением Господа нашего Иисуса Христа в один и тот же «краеугольный камень» Церкви Христовой, так сказать, началом его, ибо Воскресение Христа является завершением его и дает ему полноценность и животворящую силу, — легла «великая благочестия тайна: Бог явился во плоти» (1 Тим. 3, 16). Это Боговоплощение произошло в царствование первого римского императора. В иудейском городе Вифлееме от Непорочной Девы родился Младенец Иисус. Он то и был воплотившийся Сын Божий, Второе Лицо Пресвятой Троицы. Будучи истинным и совершенным Богом, в воплощении Он стал и истинным, совершенным человеком. Подобно обыкновенным людям Он возрастал и развивался на попечении Своей Пречистой Матери и мнимого отца, древодела Иосифа, хотя развивался необыкновенно быстро, так что, будучи всего лишь двенадцати лет, удивлял слушавших Его разумом и ответами. Тридцать лет Он жил в неизвестности среди грубых и невежественных жителей галилейского города Назарета, вдали от образованного мира, без всяких средств к приобретению каких бы то ни было познаний. Затем, приняв от Иоанна в Иордане крещение, во время которого открылось и торжественно гласом с неба было засвидетельствовано Его божественное достоинство, три с половиной года ходил по Иудее, Галилее и Самарии, проповедуя Свое пришествие и явление Царства Божия на земле, а с ним и в нем обновление человечества, примирение его с Богом. При этом подвергался разного рода лишениям, гонениям и бедствиям, не имея где главы поклонити, но нередко, как Бог, являлся во всем величии Своего всемогущества, повелевал стихиям и творил чудеса. Потом претерпел позорную в то время казнь на кресте за грехи мира, умер и был погребен, но в третий день воскрес из гроба и, облеченный прославленной плотью, являлся Своим ученикам в продолжение 40 дней, говоря им о Царстве Божием. Наконец, в виду их вознесся на небо, где воссел одесную Бога Отца и в Своем Лице спосадил на небесных

высотах воспринятое Им в ипостась Божества человеческое естество, которое нераздельно, неслитно и вечно соединилось в Нем с божественным.

Открытая в этих событиях великая и таинственная истина Боговоплощения легла в основу, в «краеугольный камень», новой, «совершеннейшей» религии христианской и сделалась средоточием всей религиозной, нравственной и умственной жизни объединенного, обновленного и оживотворенного этой религией человечества, которое, блуждая по «стихиям мира», в поисках истины зашло в безнадежный тупик и ко времени Христа с отчаянием восклицало: «что есть истина?»

Засвидетельствованная «самовидцами и слугами» воплотившегося Слова истина Боговоплощения была воспринята основанною и устроенною Им Церковью, которая самым бытием своим и неодоленностью служит живым и вечным доказательством истины Боговоплощения.

Но св. Апостолы не только засвидетельствовали истину Боговоплощения, — они подробно раскрыли и цель явления Бога во плоти. Ко времени пришествия Христа прародительский грех, вошедший в мир во весь род человеческий и повлекший за собою смертность и греховность всех людей, в своем развитии и углублении достиг своих вершин, так что не было праведного ни одного (Рим. 3, 9; Гал. 3, 22). Между иудеями и язычниками, представлявшими собою как бы две половины мира, была непроходимая пропасть вражды (Ефес. 2, 15—16), а человечество подошло к краю своей гибели, ему грозила участь Содома и Гоморры по приговору праведного суда Божия. И вот Господь, сжалившись над людьми, не хотя погибели ни одного из грешников, видя, что люди своими силами не могут восстать из бездны греховного падения и не могут сами искупить свою вину пред Богом, «не пощади Сына Своего», но послал Его на землю в подобии плоти греховной и Христос, во исполнении воли Бога Отца Своего, воспринял плоть и кровь человеческие (Римл. 8, 3, 32; Евр. 2, 14) с той целью, чтобы принести Свое Тело вместо приносимых людьми жертв и приношений (Евр. 10, 5), в «умилостивительную жертву Богу за грехи всего мира» (1 Иоан. 2, 2; 4, 10; Римл. 3, 25; 8, 3, 32; Кор. 5, 21; Евр. 2, 17); Телом Своим Христос вознес наши грехи на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды (1 Петр. 2, 24). Своею Плотию на кресте Христос «упразднил вражду между двумя мирами», иудейским и языческим, и в одном «Теле Своем» примирил весь род человеческий с Богом, примирил с Богом все земное и небесное (Рим. 5, 10; Колос. 1, 20—22; Ефес. 2, 15—16); лишил силы имеющего державу смерти, т. е. диавола, и избавил нас от «тела смерти» (Рим. 7, 24; Евр. 2, 14).

Так св. Апостолы выявили цель Боговоплощения, явления Христа во плоти.

Однако св. Апостолы только засвидетельствовали истину Боговоплощения в ее существенных и основных чертах, представив Иисуса Христа истинным Богом и вместе истинным человеком, сознающим и являющим себя в то же время единичным лицом, единою ипостасью. В своих писаниях они не начертали целостного, систематически и подробно раскрытого изложения этой истины, потому что они не составляли от себя какой-либо новой религиозной системы, а проповедывали тайну, от века сокрытую в Боге и им Богом открытую. Таким образом, апостольская проповедь была не учением человеческим, всегда требующим разъяснений и доказательств, а откровением божественным, сила и убедительность которого заключается главным образом в его божественности. «Я приходил к вам, — пишет св. ап. Павел Коринфянам, — возвещать свидетельство Божие не в превосходстве слова

или мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (1 Кор. 2, 1—6).

Простою, свободною от всякой пытливости и сомнения, верою восприняла также и Св. Церковь радостную истину Боговоплощения, в ее божественно откровенной простоте, не требуя никаких разъяснений и доказательств и не нуждаясь в них. Этому способствовало и то напряженное ожидание всем иудейским и языческим миром какой-то помощи свыше ввиду полного банкротства человеческой мудрости в отыскании истины и смысла жизни.

Однако такое непосредственное восприятие истины Боговоплощения не могло оставаться в Церкви навсегда. Церковь состоит из людей, а люди всегда стремятся понять всякую данную отвне истину, усвоить ее себе по законам своей мыслящей природы, т. е. разложить на составные части, обставить доказательствами и построить сводное логическое целое.

Потому-то божественная откровенная истина, сделавшись достоянием человека, должна была, рано или поздно, не изменяя своего существа, подвергнуться обработке в человеческой мысли, пройти путь постепенного раскрытия, получить соответственную внешнюю форму и из откровения стать и учением. Она должна была, подобно Богочеловеку, вместе с божественною, вечною иметь и человеческую, временную природу. Человеческой мысли, таким образом, предстояла задача понять, насколько возможно это для человека, Лицо Богочеловека, т. е. разъяснить, определить и обосновать, с одной стороны, истину Его божества, примирив эту истину с понятием о Боге едином, с другой — разъяснить и обосновать истину Его человечества, Его равенства с нами, кроме греха; наконец утвердить ипостасное единство той и другой стороны. От решения этой задачи зависело раскрытие всех других догматов христианства, потому что учение о Лице Воплотившегося Бога-Слова составляет основу, начало и сущность христианства. На нем, как на «краеугольном камне» зиждется, около него, как средоточия, вращается, и из него и с ним раскрывается все христианское вероучение.

Но раскрытие человеческим разумом учения о Боговоплощении не могло проходить спокойно. Христианство явилось среди мира, прожившего уже тысячелетия. За этот период в человечестве уже накопились и укоренились определенные верования, пропитавшие не только его религиозную и философскую мысль, но и всю его внешнюю, личную, семейную, общественную и государственную жизнь. «Древняя религия, — говорит Де-Куланж, — породила право, все отношения людей, наследство, собственность, суд... она же определила правление между людьми» («Гражд. община античного мира», — стр. 527). Отсюда понятно, что христианство, возвещая новые формы религиозной жизни, проповедуя новое и общее для всех Царство Божие, в котором нет ни еллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, но все во Христе одно и равны, потрясало самые основы древних — иудейской и языческих — религий, ниспровергло весь уклад личной, семейной, общественной и государственной жизни древнего мира, производило переворот в умах и сердцах людей... И вот древний, — иудейский и языческий — мир со всею силою восстал против христианства и его Основателя — Богочеловека Иисуса Христа. Началась многовековая ожесточенная борьба с христианством. На гонения христиане в массе ответили мученичеством за Христа, и пролитая ими кровь стала семенем, из которого пышно расцвело многоветвистое древо — Церковь Христова. Против идейной борьбы иудейства и языче-

ства с христианством Церковь Христова выдвинула из своей среды ряд великих мужей, образованнейших людей того времени, которые раскрывали глубины христианства, показывали преимущественные достоинства христианского учения, его превосходство над всеми другими религиями, в то же время выявляли божественное величие Основателя христианской религии. Так прошел блестящий период апологии христианства, защиты его от иудеев и язычников. Засим открылся еще более блестящий и своими мужами, и плодами их работы период полемический, период борьбы Церкви Христовой с ересями, возникшими уже в недрах самого христианства. Этот период, ярко начавшийся с VI века, со времени появления ереси арианской, длится доньше и будет продолжаться все время существования Церкви Христовой на земле, после чего воинствующая здесь Церковь Христова станет Церковью небесною, торжествующею, возглавленною Богочеловеком, Господом нашим Иисусом Христом, Ему же Церковь поет славу ныне, и присно, и во веки веков.

ПРОФ. И. Г. АЙВАЗОВ

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ — СВЕТОЧ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XVI ВЕКА

«Имя Митрополита Макария есть одно из лучших украшений нашей церковной истории.» Эти слова преосв. Макария (Булгакова) — автора капитального, известнейшего, старого, но в очень многом — не стареющего научного курса «Истории Русской Церкви» (том VI, кн. 1, стр. 289, по изд. 1870 г.) воздают только должное. И воздают не в полной мере. К ним можно добавить: его имя есть также одно из лучших украшений истории нашей страны; его имя сверкает немеркнувшей позолотой на скрижалях истории культуры нашего народа. На фоне же культуры XVI века его имя — заглавие, символ эпохи.

XVI век в истории русской культуры представляется очень важным этапом. Еще недавно в литературе упорно держалось мнение о том, что Русь XI—XII веков была задворком европейской культуры. Высокоталантливые, глубоко аргументированные работы distinguishedнейшего академика Б. Д. Грекова («Киевская Русь», «Культура Киевской Руси», «Крестьяне на Руси») разбили до основания такую точку зрения и с блеском показали европейский (в широком смысле слова) уровень культуры Киевской Руси. Не сомневаемся, что близок час, когда это же будет доказано и по отношению к русской культуре XVI века. Фактический материал для построения категорической концепции о высоком уровне ее в XVI веке — достаточно убедителен. Если в Западной Европе эпоха Возрождения «нуждалась в гигантах и породила гигантов», то и Русь XVI века, говоря словами Бориса Дмитриевича Грекова, дала ...«новое поколение... давшее энергичных людей в различных областях жизни России. С большим темпераментом и широкой постановкой проблем выступает целая плеяда...» («Крестьяне на Руси», изд. 1946 г.; т. 1, стр. 760).

Одну из частей вопроса я пытаюсь поставить в работе «Вклад Русской Православной Церкви в русскую культуру XVI века», подготовляемой к печати.

Пока позволю сказать церковному читателю: не поленись, брат мой во Христе, прочти в только что цитированной книге Б. Д. Грекова главу «Крестьянский вопрос в публицистике XVI века» и ты, во-первых, едва ли сможешь удержаться от слез радости и биения сердца от благородной гордости за родной народ, давший титанов мысли, за Церковь Русскую, духовно родившую их, великих сынов XVI века, смиренных в жизни, великих в труде, безмерных в любви к Творцу и угнетенному и страждущему человечеству. Во главе же их плеяды — величаяя постать Митрополита Макария.

Цель этой статьи — краткий рассказ о деятельности Макария в Москве и для Москвы. Такое ограничение диктуется также и тем соображением, что в рамках десятка страниц нельзя ни рассказать о всей деятельности этого Святителя, ни изложить с основательностью его биографию. В положительной оценке деятельности Макария историка единодушны; даже проф. Голубинский, подавляющее место в трудах которого занимают подробнейшие описания «всех недостатков и пороков Русской Церкви», говорит о нем: «Макарий занимает совершенно выдающееся положение между всеми высшими пастырями Русской Церкви, бывшими прежде него и после него, как исключительно знаменитый между ними» («Ист. Русской Церкви», т. II, ч. 1-я, стр. 873). Здесь проф. Голубинский даже преувеличивает: Макарию предшествовали такие святители, как Петр, Феогност, Алексий; ему наследовали: Гермоген, Никон, Филарет и др. Скажем, что Макарий был знаменитейшим для своего века.

Меркнут в исторической дали веки ранней биографии Макария. Сквозь туман этой дали видим свечечку в тесной келье преподобного Пафнутия (Боровского), приобщившего молодого Макария к иноческому чину. Через многие виды сурового монашеского искуса и послушаний, которые выковывают волю к деланию на ниве Христовой, приходит Макарий к архимандритству в довольно известном тогда Можайском Лужецком монастыре.

Воля Божия приводит на горные места в Церкви тех, кто стремится к предельному уединению и скромному послушанию. Она, эта высокая доля, в 1526 г. рукою очень твердого в охранении православных устоев, Всероссийского Митрополита Даниила вручает Макарию святительский жезл и труднейший пост в сане Новгородского архиепископа.

День 4 марта 1526 г. открывает высокоплодотворнейший шестнадцатилетний период деятельности Святителя в Новгороде. Именно — не «новгородской деятельности», а деятельности в Новгороде. Глубокое принципиальное значение такой формулировки состоит в том, что в годы своего епархиального архиерейства Макарий не ограничивался окормлением своей непосредственной паствы, а жил и творил для всей Русской Церкви. Утвердительно можем сказать, что уже в Новгороде святитель Макарий по объему, направленности и самому характеру своей деятельности принадлежит всей Русской Церкви, всему русскому народу, его государству, его культуре, его столице — Москве.

Даже чисто «новгородские» его дела носят печать общерусского делания. Новгород с подчиненной ему территорией лишь недавно стал составной частью молодого русского национального государства. Стал, но еще огранически не совсем слился с руслом общерусской национально-государственной жизни. Столь недавно еще безраздельно заправлявшая всеми делами новгородской земли местная боярская верхушка не вся и не во всем примирилась с ограничениями, обусловленными подчинением державной Москве. Здесь, на северо-западной окраине Московского государства, вовсе еще не был искоренен мятежный дух, стремление к восстановлению боярских «вольностей» (большею частью за счет чрезмерного угнетения людей труда). И, что греха таить, иногда новгородские владыки вольно или невольно оказывались на поводу носителей антигосударственных стремлений.

Новгородская земля давно разжигала захватнические аппетиты польско-литовского панства. В самом Новгороде агентура этих врагов

интриговала давно и не всегда безуспешно: среди местного боярства была группа «литовствующих», выговаривавшая себе вольности в обмен на предательство. Из-за спины «литовствующих» виднелась пасть католицизма. Великая заслуга Макария была в том, что он средствами духовного воздействия идейно «обезоружил» попытки мятежников. На десятки лет приумолкли они.

Уже здесь, в период епархиального святительства, Макарий раскрывается перед очами его поколения своими исключительными качествами. У одного из новейших исследователей русской истории XVI века, мы находим краткую, но замечательно яркую и глубоко правдивую характеристику Макария: «Человек мягкий, благожелательный, с характером компромиссного склада, он... равно пользовался благорасположением со стороны предстателей различных направлений и не имел врагов. Вместе с тем он не запятнал себя беспринципными действиями и неуклонно проводил... линию... (направленную) к усилению значения московского государя, и к усилению сотрудничества между светской властью и церковью» (И. У. Будовниц, «Русская публицистика XVI века», изд. 1947 г., стр. 188).

В Новгороде Макарий проводит большую работу по собиранию государственного мыслящих сил. Он — усердный ходатай перед русским правительством за многих «опальных», в особенности за тех, кто несправедливо, на основании оговоров и косвенных улик навлек на себя гнев властей предрежащих. Его заступничество в большинстве случаев было успешным, и это укрепляло и умножало ряды поборников общерусской политики в Новгороде.

Очень успешной была миссионерская деятельность в крае. Талантливо организованная Макарием, она привела к прочному внедрению христианства в самых глухих захолустьях новгородской земли, населенных карелами и водью.

В самом Новгороде период святительства Макария отмечен также расцветом церковно-проповеднической деятельности. Конечно, живое слово с амвона новгородцы слышали и до Макария. Но Святитель поднял его на гораздо более высокий уровень. Новгородцы привыкли к витиеватым, красивым по форме, но малопонятным по содержанию проповедям, нередко лишенным всякой связи с конкретной местной обстановкой, с жизнью, нуждами и заботами местных православных людей.

Как совершенно точно говорит один из биографов Макария (К. Заусцинский, «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1881 г., X, стр. 215), новгородцы были поражены простой, бесхитростной, но чрезвычайно впечатляющей речью Святителя, насыщенной яркими образами и примерами из окружающей действительности. Конечно, такие проповеди приближали сердца слушателей к Богу. О громадном проповедническом даровании Святителя согласно свидетельствуют и летопись и письмо известного игумена Хутынского монастыря Феодосия. В этом свете для меня непонятно иронизирование проф. Голубинского («История Русской Церкви», т. II, первая половина, стр. 848—849) по поводу этих способностей Макария, непостижимы мотивы, заставившие Голубинского квалифицировать и летописную запись и свидетельство Феодосия как «изысканный комплимент» Макарию, непонятен и намек его на то, что Макарий «по уровню своей образованности» не мог даже проповедывать экспромтом. Во всяком случае исторические источники не только говорят, а прямо, так сказать, вопиют против Голубинского. Дело, конечно, не в экспромте.

Заслуга Макария еще и в том, что он широко внедрял проповедь в практику храмов всей своей епархии. И притом такую проповедь

ведь, которая благородно служила и общенародным, государственным интересам.

Но еще более славен Макарий своей церковно-литературной деятельностью. Только то, что он в этом отношении сделал в Новгороде, было бы достаточным для увековечения его памяти в анналах истории русской культуры, русской общественности, русской государственности. Свой рассказ об этом начну двумя цитатами.

1. В 1900 году проф. Голубинский (цит. раб., стр. 848) писал черным по белому: «Макарий не был писателем нарочитым и постоянным, но все же он оставил некоторые литературные произведения» (подчеркнуто мною. — *Н. В.*).

2. В 1947 г. гражданский историк проф. Будовниц (цит. раб. стр. 188), на основе анализа тех же источников, которые были и перед глазами Голубинского, свидетельствует: «Митрополит Макарий был одним из виднейших писателей и политических деятелей XVI века. Пользуясь при этом большим авторитетом, он не только находился в центре событий своего времени, но и оказывал на них определенное влияние».

Одним из первых трудов Макария является его совместный со священником Агафоном «Великий миротворный круг», в котором пасхалия была высчитана на 532 года вперед. И ученый богослов, и историк Церкви нашей Родины, и скромный сельский батюшка, и любой из миллионов рядовых православных мирян с именем святителя Макария неразрывно связывают его бессмертный подвиг по составлению всемирно-известных «Великих Четьих-Миней». Действительно, этот труд один достаточен для того, чтобы прославить имя Макария в веках; его значение очень далеко выходит за пределы справочной энциклопедии внутрицерковного назначения.

Можно думать, что первоначальным замыслом Святителя было собирание житий, по преимуществу русских подвижников св. веры и благочестия с целью подготовки материалов для канонизации тех из них, память которых чтится местно (т. е. преимущественно в районах жизни и подвигов этих столпов благочестия).

Допускаем, что это побуждение могло лечь в основу трудов Макария, но нет серьезных оснований считать чисто «утилитарные» канонизационные намерения главной целью деятельности Святителя. Состав «Великих Четьих-Миней» красноречиво отвергает такие домыслы.

Разумеется, канонизация в масштабе общерусском местночтимых угодников Божиих имела огромное значение для деятельности и Русской Церкви, и молодого московского государства; об этом мы еще скажем ниже. Но трижды прав проф. С. В. Бахрушин в своем заключении: «Четьи-Миней» тесно связаны с канонизацией русских святых, но значение их было гораздо шире» (подчеркнуто мною. — *Н. В.*).

Несколькими строками выше тот же автор говорит: «Еще будучи в Новгороде, Макарий задумал поразительный по замыслу труд, который должен был объединить все удельные литературы. Макарий предполагал собрать и объединить «все чтимые» (т. е. читаемые) книги, «яже в русской земле обретаются»... («История СССР», т. 1, стр. 391, изд. 1939 г.). Лучше не скажешь! Действительно, поразительный по своей грандиозности замысел в условиях того времени! И замысел не остался в стадии благих намерений. Почти все, что было создано русской церковной литературой предшествующего периода, в той или иной форме и мере вошло в «Четьи-Миней».

Такой труд прежде всего требовал от его зачинателя и руководителя исключительно высокого уровня культуры и организаторских способностей, а в условиях времени организаторских талантов. Макарий

еще в Новгороде, «не щадя почестей, сребра и злата», группирует вокруг себя лучших писателей своего времени. Мало того, он с исключительной прозорливостью отыскивает в гущах и иночества, и белого духовенства, и мирян различных социальных слоев людей до того времени безвестных, но в которых он чувствует искру благочестивой ревности и таланта. Эту деятельность он продолжает и в годы своего Всероссийского первосвятительства в Москве.

Весьма различные по образованию, степени одаренности, литературным приемам люди входили в макариевский «кружок книжников», как его аттестовали прежние церковные и гражданские историки. «Кружок» — ли? «Это была своеобразная Академия XVI века» — говорит в цитированном нами труде (стр. 194) И. У. Будовниц — «члены который были погружены в разнообразные научные и литературные занятия». Да, это была своеобразная «Академия Наук» XVI века; ее «президентом», «действительным членом» и руководителем «резидента» был архиепископ, затем — Митрополит Московский и всея Руси Макарий.

В составе «Академии» мы находим представителей «мира» в лице престарелого дьяка Дмитрия Герасимова, который по заданию Макария прекрасно перевел для «Четьих-Миней» Толковую Псалтирь Брунона (Герасимов владел несколькими языками), и писателя из бояр В. М. Тучкова — составителя житий свв. Александра Невского и Георгия Болгарского; он же на основании новых материалов переработал житие преп. Михаила Клопского. Белое духовенство в числе других было представлено одним из крупнейших деятелей периода Ивана Грозного протопопом Сильвестром (автором «Домостроя»). Величие деятельности соратника Макария — Еразма (в монашестве — Ермолая) Прегрешного, как крупнейшего, оригинального мыслителя, богослова и публициста полностью показано лишь в самые последние годы (В. Ф. Ржигой в «Литературной деятельности Ермолая — Еразма» в 1926 г. и Б. Д. Грековым в «Крестьянах на Руси» в 1946 г.). Под мудрым водительством Макария инок Савва (впоследствии епископ Крутицкий) стал подлинным церковным писателем; другой ученик Макария, скромный пресвитер Андрей (в иночестве — Афанасий, избранный в конце жизни на пост Московского Митрополита) оставил по себе такой историко-литературный памятник, как «Степенная книга», о которой скажем позже. Множество житий было написано священником Василием (в иночестве — Варлаамом). Пока недостаточно оценены заслуги перед русской культурой и Церковью игумена Хутынского монастыря Маркелла Безбородого, известного и как составителя жития преп. Никиты Новгородского и как церковного композитора, положившего на крюковые ноты Псалтирь, каноны двенадцатых праздников и пр. (Будовниц, цит. соч. стр. 194).

Взрощены и выпестованы Макарием как авторы житий, канонов и других церковно-литературных произведений: игумены Даниловского монастыря Иоасаф, Свирского — Иродион (автор известного жития преп. Александра Свирского), иноки Логгин, Михаил, Паисий, Иннокентий Охлебинин, иеромонах митрополичьей домово́й церкви Илия и мн. др.

Святителю посчастливилось сплотить столь различных людей в единый творческий «коллектив» на служение общему делу. При этом творческие особенности каждого отнюдь не подавлялись.

Первая редакция «Четьих-Миней» была закончена в 1541 году. Однако, Макарий и его ближайшие сотрудники, продолжая дорабатывать и уточнять детали, дополнять труд вновь приобретенными сведениями,

оттачивая стиль, в 1552 году дают второй, а еще через два года—третий список.

Этот колоссальный труд в 12 томах — более 27 тысяч страниц крупнейшего формата имел сложный состав.

Как известно, «Четьи-Минеи» давали материал для чтения на каждый день и месяц года. К житию святого, память которого отмечалась в определенный день, прилагались и другие материалы. Так, например, в день памяти преп. Иосифа (9 сентября) давались: житие преп. Иосифа Волоцкого, его труд «Просветитель», его же «Устав монастырского жития» и проч.

Биограф Макария К. Заусцинский (в «Журн. Министерства Нар. Просв.» за 1881 г., кн. X—XI), а за ним и многие более поздние исследователи расчленяют материалы, вошедшие в «Минеи» на семь групп:

1) Книги Св. Писания: четыре Евангелия, все апостольские Деяния и Послания, двадцать восемь Ветхозаветных книг (7 исторических, 4 учительских, 16 пророческих и Псалтирь с толкованиями Афанасия, Феодрита и Брунона);

2) почти все известные тогда патерики, среди которых: св. Ефрема Сирина, Григория Двоеслова, Синайский («лимонарь» — жития египетских, палестинских и синайских святых), Иерусалимский (жития отцов иерусалимских), Азбучный, Египетский (с житиями египетских иноков), Скитский (жития св. отцов горы Синайской), известнейший Печерский и ряд других. Отметим, что эта группа материалов — еще один довод, опровергающий ограниченность «Миней» целью канонизации только русских местночтимых подвижников;

3) Прологи («Синаксари»), пополненные «словами» на праздники, заимствованными из «торжественников»;

4) Разные сочинения Отцов Церкви, русских и греческих святых: Среди них переводные: творения Иоанна Златоуста (беседы на книгу Бытия «Маргарит» и «Великий Златоуст» — сборники избранных его произведений), «оглашения» Кирилла Александрийского, «Лествица» Иоанна, сочинения Василия Великого (Шестиднев, книги о постничестве и др.), «Книга небесной иерархии» Дионисия Ареопагита, «Небеса» Иоанна Дамаскина, творения Потарского епископа Мефодия, свв. Григория Богослова, Ефрема Сирина, Григория Антиохийского и др. Боговдохновенное творчество великих поборников Русской Церкви представлено «словами» и «посланиями»: пр. Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, Григория Цамблака (Селивлаха), Митрополитов Киприана, Фотия и Ионы, «Просветителем» и прочими трудами преп. Иосифа Волоколамского и др.

5) Такие пользующиеся огромным уважением и известностью на Руси книги, как сборники духовно-нравственных наставлений: «Пчела» и «Златая Цепь», сочинения Иосифа Флавия, Никона Черногорца, Иоанна — Экзарха Болгарского, Василия — царя греческого, Космы пресвитера, Космы Индикоплава и др.

6) В одну группу исследователи почему-то помещают столь разнообразные материалы, как большое количество описаний путешествий и паломничеств (во главе со «Странником» игумена Даниила), разные небольшие рассказы, притчи, Кормчую книгу, монастырские уставы, послания и грамоты русский князей, митрополитов и епископов и «множество других материалов».

7) Старые и новые редакции житий русских святых, в подавляющем большинстве составленные специально для макарьевских «Четьих-Миней».

Уже этот чрезвычайно сжатый перечень состава «Миней» показывает бессмертное, непреходящее значение, какое имеет этот труд даже для церковного читателя XX века.

Почти все исследователи, соглашаясь с тем, что «Четьи-Миней» являются истинным детищем Макария, почему-то (одни с настойчивостью, другие — не вполне уверенно) считают нужным сказать, что сам Святитель «не писал Миней». Для такого категорического утверждения, однако, достаточных данных нет. Напротив, — несмотря на строжайше выдержанное единство стиля (что, безусловно, — дело рук высокоталантливого и необычайно продуктивного редактора), мы можем приемами современной критики текста установить авторство подавляющего большинства составных частей «Миней». Между тем, зная поименно авторов этого коллективного труда, мы тем не менее для ряда мест «Миней» не можем указать авторов. И в то же время анализ именно этих мест показывает большое их стилевое сходство с собственными сочинениями Макария.

Церковный читатель хорошо помнит, что авторы и учебников истории Церкви, и историко-церковных, и историко-литературных трудов дружно свидетельствуют о том, что «Четьи-Миней» в противоположность произведениям домакарьевской житийной литературы, написаны удивительно напыщенным языком, где во имя риторики пожертвовано простотой. Почти все авторы отмечают «стандартность» стиля «Четых-Миней».

В свете науки середины XX века мы имеем право и возможность быть более спокойно объективными. «Стандартность» изложения в «Миней» есть великолепная заслуга Макария как организатора и редактора этого труда; трудно даже для более позднего времени указать другой коллективный труд, в котором редактору-руководителю удалось бы столь успешно устранить нервирующую читателя стилистическую пестроту.

Что же касается «витиеватости» и «вычурности» языка, следует напомнить, что даже великий деятель в области русского языка М. В. Ломоносов, живший двумя столетиями позже Макария, считал совершенно необходимым о «высоких предметах» писать «высоким (т. е. изысканным, высокопарным, витиеватым) штилем», и лишь о «низких» (т. е. обычных, житейских) — «низким» или «подлым». Митрополит Макарий является одним из создателей нового «высокого» стиля на Руси, стиля патетического. «Это был стиль эпохи», — говорит И. У. Бударниц. «Создание единого стиля являлось очень существенным моментом в развитии общерусской литературы», — правильно оценивает один из крупнейших современных специалистов по истории нашей Родины проф. С. В. Бахрушин.

Вместе с тем, Макарий стремится к достижению общепонятности языка, заменяя в статьях своих сотрудников слова и выражения иностранные и устаревшие русские — новыми, более понятными читателю того времени словами и выражениями.

Собором русских епископов 19 марта 1542 г. Макарий, уже прославленный литературными трудами, общественно-церковной и миссионерской деятельностью, стойкий поборник высокой монастырской жизни (добившийся введения полного общежительства почти во всех новгородских монастырях) избирается Митрополитом Московским и всея Руси.

Из числа близких к царскому двору бояр, его кандидатуру особенно активно поддержали Шуйские. Он вступил на первосвятительскую кафедру в обстановке ожесточенной борьбы различных боярских группировок за влияние при троне и одновременно — борьбы боярской вер-

хушки за возвращение старых удельно-феодалных порядков путем расшатывания основ складывающегося московского (общерусского) централизованного абсолютистского государства. Теперь стало ясным, что Макария не удалось превратить в орудие боярской политики. Он стоял вне борьбы враждебных течений, всей силой своего нравственного авторитета осуждал попытки боярского своеволия и в неимоверно сложном шторме политических страстей устоял на своем посту до самой своей кончины.

Что он сразу же заручился полным расположением подростка Ивана—удивительного мало. Важнее то, что, несмотря на бездну провокаций, наветов, интриг, на которые не скупились враги Макария, он до самой смерти сохранил неизменным расположение хотя и мудрого, но до крайности мнительного и подозрительного царя Ивана Васильевича Грозного. Сохранил, несмотря и на то, что ни грана лести никогда не было на устах Святителя.

Ныне всякому школьнику известно, что Макарий был воспитателем отрока и юноши Ивана Васильевича. Не погрешим мы против истины, если объясним весьма глубокую богословскую эрудицию и великолепную ориентировку Ивана Грозного во всех деталях и особенностях церковной жизни, достигнутую трудами Митрополита Макария.

Но Макарий был для Руси и Москвы отнюдь не только «законоучителем» и «консультантом-богословом» Ивана Грозного. И церковные и гражданские историки разных направлений сходятся на том, что Макарий утвердил юного Грозного в убеждениях о пользе для Руси того времени единодержавной власти, о необходимости противопоставить ретроградам-«удельникам» политику твердого объединения русских земель. Макарий благословил семнадцатилетнего юношу на возложение царского венца.

Как известно, один из просвещенных учеников Макария—Сильвестр долгое время был одним из ближайших сотрудников Грозного. И последовавшее через ряд лет удаление Сильвестра от государственной деятельности в некоторой мере может быть объяснено тем, что Сильвестр отошел от отчески-мудрого водительства Макария. Некоторые историки (Н. М. Карамзин, А. В. Горский) ничтоже сумняшеся считают Макария чуть ли не ставленником... Сильвестра. Но еще К. Заусцинский в своей работе «Макарий Митрополит всея Руси» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1881 г., X) доказал, что дело обстоит наоборот.

Отметим очень коротко направленность государственно-святительской деятельности Макария.

Стремление сделать Волгу внутренней русской рекой было, вообще говоря, продуманной целью Иоанна. Но Макарий вовсе не стоял в стороне. Поход на Казань был решен в 1549 г. по совету Иоанна с Макарием и несколькими другими ближайшими к царю людьми. Факты последовавших месяцев и лет говорят, что Макарий всемерно побуждал молодого царя к быстрым и энергичным действиям: он умолял Грозного не оттягивать дела освобождения из тяжелого татарского плена и рабства многочисленных несчастных православных пленников. Видимо, у царя были некоторые колебания, ибо в своих грамотах к Ивану Макарий убеждает его не идти ни на какие сговоры с врагами Руси, напоминая о многократных вероломных нарушениях прежних обещаний о ненападении. «Лаской друга и ревностью церковного учителя» (по выражению Карамзина) дышат многочисленные послания Макария к находящемуся в казанском походе Ивану Грозному; этим же духом проникнуты устные выступления Святителя во все время войны. Обращаем внимание читателя на такие, дошедшие до нас та-

лантливые памятники творчества Макария, как его речь во Владимире к царевым воеводам в 1550 г., его слово по случаю заложения города Свияжска в 1551 г., его знаменитое послание 1552 г. к воинам свияжского гарнизона и два послания к царю в Казань.

Его речь во Владимире — патриотический дар Родине — гневное обличение бояр-воевод, вздумавших перед лицом врага сводить свои местнические счеты, пламенный призыв постоять всеми помыслами и делами за святую веру, страдающий народ и Отечество. В трогательных словах Макарий благословил основание укрепления Свияжска — нового русского аванпоста на востоке.

Оживленно обсуждались в общенациональной и специально-церковной литературе XIX и начала XX вв. события начала 1652 г. в Свияжске и отношение к ним Макария.

В этом городе, во-первых, началась большая эпидемия цынги и других болезней, во-вторых (как сигнализировал об этом Святителю сам Иоанн) в гарнизоне заметно упала дисциплина и понизился моральный уровень воинов: распутство, пьянство стали бытовыми явлениями в войске. Многочисленные «казанские пленницы» сделались объектами (а быть может, и возбудительницами) массового разврата. Всем этим воспользовались казанские ханы для проведения ряда успешных для них набегов на отряды русских войск.

Макарий совершил в Успенском соборе специальное богослужение и освящение воды на мощах, почивающих в Благовещенском соборе, послал в Свияжск со святой водой благочестивого протопопа Тимофея и с ним — свое замечательное поучение. Поистине гласом Божиим прозвучало это послание. Кроткий архипастырь призывал к покаянию во грехах, к исправлению и крепчайшему стоянию в делах ратных. Прежде же всего он призывал к действительному нравственному очищению.

Некоторые казуисты — «канонисты» ухитрились в этом послании выделить лейтмотивом... осуждение брадобрития. В самом деле, Макарий в послании грозит гневом царским и даже отлучением от Церкви воинам, которые не перестанут «бороды брить или обсекать, или усы подстригати.» Но... нужно же было людям, неизвестно во имя чего, поступить так недобросовестно.

Макарий, перечисляя пороки и виды распутства, между прочим говорит и о том, что некоторые воины с целью большего греховного успеха у распутниц, забрасывают ратные обязанности и вместо этого предаются своему туалету в том числе и бритью усов и бород, чтобы казаться привлекательнее.

Но Святитель не менее резко обличает и другие пороки.

Меры увещевания Первосвятителя дали результаты не меньшие, чем репрессивные акты властей.

Известно также (см., напр. «История Русской Церкви» Макария, архиепископа Литовского и Виленского, изд. 1870 г., т. VI, кн. I, стр. 212), что отправляясь в поход против набегов крымских татар, царь поручал столицу особому попечению Макария. «Ты, отец мой, — писал Иоанн, — позаботься, сколько Бог тебе даст, во всем соблюсти мое царство, а брата нашего и бояр, здесь остающихся, во всем наставляй.» Это было написано не ради «красного слова»: Иоанн хотел видеть в Макарии мудрую силу, нравственно противостоящую реальной опасности боярских антигосударственных выступлений. Первосвятитель мерами церковного влияния и личного авторитета оправдывал доверие и надежды великого государя.

Всегда оставаясь строго церковным православным деятелем, которому органически чужды столь характерные для католической иерар-

хии поползновения на мирское владычествование, Макарий был очень далек от использования своего авторитета для давления на дела чисто гражданские. Мне могут сказать, что Иван Грозный и сам бы не потерпел никаких возражений против своих намерений и что, следовательно, Макарий, учитывая это, считал бесполезным всякие представления. Но это не совсем так: известно немало случаев, когда люди подвергшиеся справедливому гневу Иоанна, по ходатайству Митрополита получали прощение с указанием, что делается это царем в уважение просьб «отца своего Митрополита Макария».

Святитель оставался верным себе, когда в 1562 г. на просьбу правителей Литвы о посредничестве в дипломатических делах отвечал: «Мы люди церковные и нам до тех дел дела нет». Но в делах церковных и вообще в вопросах, касающихся положения православного населения, попавшего по власть Литвы, Макарий был неутомимым деятелем. Он сносился с Литвой особыми грамотами, отправлял для переговоров своих полномочных послов. В интересах Церкви и паствы он делал соответствующие представления государю и зачастую мог уведомлять своих корреспондентов о том, что Иван «нашего челобитья не презрел.»

Переходим к обзору церковно-общественной и дальнейшей церковно-культурной деятельности Макария. Оговариваемся, что о столь выдающемся событии в церковно-общественной жизни Руси XVI века, как Стоглавый Собор, мы очень коротко расскажем лишь в связи с трудами Первосвятителя.

В 1547 г. Макарий получил возможность созыва церковного Собора, на котором после тщательной критической проверки материалов, представленных Митрополитом, было установлено повсеместное празднование свв. Павлу Обнорскому, Михаилу Клопскому, Ионе, Митрополиту Московскому, Макарию Калязинскому, Зосиме Соловецкому, Пафнутию Боровскому, Дионисию Глушицкому, Александру Свирскому, Иоанну архиепископу Новгородскому, Савватию Соловецкому, Никону, игумену Радонежскому и кн. Александру Невскому.

Нескольким чудотворцам было установлено (сохранено) местное празднование. Принимая во внимание, что среди последних встречаются такие имена, как кн. Константин Муромский, преп. Прокопий Устюжский и др., следует притти к выводу, что отнесение их к этому разряду может быть объяснено недостаточностью сведений о них.

Тот же Собор обратился к епископам земли русской с просьбой «известно пытати и обыскивати о великих новых чудотворцах» (Голубинский, «История канонизации русских святых»).

Этот призыв вызвал на Руси большое религиозное и литературно-творческое оживление: собирались свидетельства и предания об угодниках, подвизавшихся на местах; записывались ранее сложенные и писались новые каноны и жития. Новый Собор 1594 г. имел возможность на основе отбора и проверки установить празднование нескольким десяткам праведников.

«Канонизационное движение», шедшее двумя волнами сверху и снизу от народных масс, имело благотворное общественно-нравственное значение. Жизнь праведников и угодников становилась идеалом нравственных высот, становилась предметом стремлений к подражанию, следованию им в обыденной мирской жизни. В конечном итоге все это прямо перекликалось с иными, более мирскими путями воспитания патриотизма.

Определение некоторых гражданских историков наших дней: «цель всех этих мероприятий — возможно туже скрепить идеал связи между отдельными частями государства, ввести во всей стране единообраз-

ную культуру, обычаи и нравы, восславить роль московских государей в истории России» (см., например, у Будовница, стр. 191) — несколько модернизировано. Такой «цели» в прямом смысле канонизационное движение, как явление чисто церковное, не ставило, но следствием его было именно таким. И в этом великая заслуга Макария.

Продолжительная научная дискуссия на грани XIX—XX вв. о том, кому принадлежала инициатива знаменитого «Стоглава» 1551 г. Митрополиту Макарию или царю Ивану Грозному не дала бесспорного решения. Но как бы ни было, и царь был очень заинтересован в созыве авторитетного церковно-земского Собора, который бы смог урегулировать все стороны жизни и бытового уклада страны, обновить ее, смести отмершее и обветшавшее, дать могучую «подкормку» всходам нового (Иван Грозный старался слышать «голос земли»). Да и Первосвятытель Макарий был преисполнен решимости изжить общим советом недостатки и болезни Церкви. Во всяком случае и Иван Грозный и Макарий были единодушны в определении целей Собора.

Если в чем и были расхождения между ними, то они не касались догматических и церковно-канонических вопросов, а проходили в области отношения к принципу монастырского землевладения. Как известно, Иван Грозный склонялся к мнению «нестяжателей» о ненужности вотчинновладения для монастырей и вредности увлечения сельскохозяйственными заботами для иноков. Вероятно, у государя преобладали при этом гражданско-хозяйственные мотивы: земельный фонд Русской Церкви, составлявший около $\frac{1}{4}$ всех пахотных угодий основной территории Руси, представлялся крупным резервом для раздачи наделов государевым служилым людям (ибо земля была в то время основным видом оплаты службы и вознаграждения заслуг).

Макарий был убежденным защитником монастырского землевладения.

История сблизила эти точки зрения. Иван Грозный (несколькими годами позже) в форме опричнины нашел иной источник удовлетворения служилых людей, который одновременно был и средством экономического разгрома враждебной политики Грозного боярской верхушки. Во всяком случае, в середине XVI века был в основном положен конец дальнейшим земельным приобретениям монастырей, но наличные владения их не понесли существенного ущерба. (Имеется изрядное количество грамот Ивана Грозного о его пожалованиях монастырям).

Макарий считал, что земли монастырей — отнюдь не фонд для обогащения иноков, а средство, во-первых, для благоустройства храмов и монастырей, нового храмостроительства и нужд миссионерской деятельности, во-вторых, для расширения духовно-просветительных, в частности школьных мероприятий епархий и монастырей, в-третьих, для всесторонней благотворительной деятельности. Напомним, что эта последняя в условиях того времени являлась если не единственной, то во всяком случае подавляюще преобладающей возможностью помощи беднякам, жертвам стихийных бедствий, обездоленным вдовам и сиротам и т. п. Церковь в лице Макария продолжала благородную традицию всемерного облегчения положения крестьян, трудившихся на монастырских землях.

Не без серьезных оснований Макарий считал, что от перехода монастырских земель в боярское владение (опять повторим: в условиях того времени) горько бы пострадало прежде всего крестьянство.

Но в то же время Макарий был едва ли не наиболее стойким и горячим противником и искоренителем злоупотреблений в монастырской среде. И он лично, и его преемники отнюдь не укрывали и не

смягчали язв и пороков, проникавших за монастырские стены. Архивы гражданских учреждений того времени почти не донесли до нас жалоб на непомерные притеснения. Вполне понятно, что такие жалобы если иногда ими и принимались, то нередко (в видах «кумовства» и «радения своему человечку») скрывались или уничтожались. Почти все по данному вопросу мы находим только в архивах Церкви. Поэтому у некоторых, не вполне внимательных и не вполне беспристрастных историков это открытое обличение Церковью своих язв вызвало ложное представление о том, что монастыри являлись едва ли не худшими эксплуататорами крестьян, чем бояре и дворяне.

Есть основания думать, что Собор прежде всего рассматривал «Судебник», исправленный Грозным с помощью его ближайших сотрудников (журнал «Православный собеседник», 1862, кн. III, 1863, кн. III—IV). Тот факт, что в определениях Собора мы не находим главы или пункта об утверждении «Судебника», позволяет думать, что этот гражданско-юридический труд был представлен царем не на утверждение Собора, как такового, а на обсуждение с целью услышать мнение его членов, как людей, знакомых с местными жизненными условиями. «Мы вашего святительского совета и дела требуем и советовать с вами желаем, а об наших нуждах и земских нестроениях вам возвещаем» (подчеркнуто мною.—Н. В.),—сказал государь, представляя Собору текст «Судебника».

В собственно церковных вопросах Собору, возглавляемому Макарием, было не только чуждо бахвальство и самолюбование, но о показе светлых сторон в жизни церкви (они и без этого были видны и очевидны) он думал меньше всего. Его задачей было устранение теневых сторон, обновление церковной и народно-культурной жизни страны (в благороднейшем смысле этих понятий).

Можно не соглашаться с абсолютной канонической бесспорностью некоторых определений Стоглавого Собора, но нельзя отрицать громадной положительной работы его в области улучшения, упорядочения и единообразия богослужения и обрядности во всех его видах.

Много полезного внес Собор и в своих определениях, касающихся основ нравственности духовенства и мирян, искоренения чуждых христианству обычаев в отношениях семейных и общественных, разъяснения и постепенного выведения столь распространенных суеверий. Говорят, что Собор возвел чуть ли не в степень догмата запрещение брадобрития. Это не верно: Собор высказался против брадобрития (как и против излишеств в одеянии и проч.) с безнравственными целями. В этом смысле и все другие определения по «мелочам» быта (вроде осуждения совместных бань с одновременным мытьем мужчин с женщинами) были вовсе не лишними для своего времени, как, например, и искоренение элементов, касающихся порнографии и бесстыдства в народных развлечениях.

Макарий хорошо подготовил и осуществил в форме соборных определений много церковных законоположений в области церковной администрации и святительского суда. Наряду с мероприятиями по усилению надзора за работой и поведением рядового, приходского духовенства соборные определения ограничивали податное «творчество» епархиальных и гражданских властей по отношению к приходам и монастырям, вносили твердый порядок во взаимоотношения между различными ступенями церковной администрации. Узаконивалось право общин на представление своих кандидатов на приходское иерейство.

Упорядочение монастырской жизни, привлекавшее пристальное повседневное внимание Макария, нашло солидное отражение и в трудах Собора. Ведь это только так кажется, что монументальность мона-

стырских стен — надежное прикрытие для пороков за этими стенами. На самом же деле обитатели монастырей жили как бы под стеклянным колпаком, к прозрачным стенкам которого зорко и испытующе денно и нощно приникали физические и мысленные очи тысячи людей, ищущих в обителях идеал беспорочной жизни. И всякая нравственная пылинка на моральном облике инока в глазах этих людей нередко превращалась в крупное и жирное пятно.

Церковь была достаточно сильной и поэтому могущей не замазывать эти пятна, а обнажать их с целью выведения. Отсюда и соборные решения о борьбе со случаями пьянства и признаков разврата, о предупреждении и внешних поводов к соблазну (в форме, например, запрещения инокиням проживать за стенами мужских монастырей и наоборот; некоторого ограничения в одиночных посещениях женщинами мирянками мужских монастырей и мужчинами — женских и пр.).

Собор признал необходимым, оставив за монастырями их прежние владения и доходные статьи (с употреблением на богоугодные цели), новые же «руги» и «царские милостыни» (т. е. пожалования) разрешено испрашивать только при крайней нужде. Это относилось только к наиболее убогим храмам и монастырям, «не имущими ни откуда помощи».

Почетное место и в предсоборных трудах Макария и в соборных определениях занимают вопросы культуры и просвещения.

Конечно, Собор должен был прежде всего позаботиться о подготовке достойных кандидатов священства и диаконства. О неудовлетворительной подготовке значительной части иереев многие иерархи (сам Макарий, архиепископ Геннадий и др.) говорили столь остро, Стоглавый Собор настолько подчеркивал теневые стороны, что у многих историков Церкви, Родины и отечественной культуры (от скептической школы Голубинского и фальсификатора истории русской культуры Милюкова включительно до таких чутких исследователей, как В. О. Ключевский и архиепископ Макарий) сложилось представление о Руси XVI века, как о стране сплошной безграмотности, а о русском рядовом духовенстве, как о группе, в среде которой «еле бредущий по складам» иерей был образцом «высокообразованности».

Помимо означенных источников (Геннадий, Макарий, Стоглавый Собор), эти исследователи подкрепляли свои доводы «записками» иностранцев, преимущественно немцев.

Консерватизм в этом вопросе был столь велик, что небольшая, но драгоценная работа проф. А. И. Соболевского «Образованность Московской Руси XV—XVII вв.» (изд. 1834), убедительно по содержанию и блестяще по форме восстановившая истинную картину, была попросту замолчана. Отсылаю к этой книге, к сожалению, только метеором промелькнувшей на литературном горизонте всех читателей, которым важно иметь точное представление о распространенности и уровне образованности на Руси в XVI веке.

Великий поборник культуры, Митрополит Макарий, безусловно, имел основание бить тревогу. Грамотность была, конечно, недостаточной. Если (по неопровержимым данным А. И. Соболевского) грамотность взрослых мужского пола среди посадских торговых и ремесленных людей в середине XVI века не достигала и 20%, то среди свободных крестьян этот процент едва ли на много превышал десять. (Речь идет о простой грамотности).

Для духовенства же простая грамотность была явно недостаточной. Школы грамоты были почти при всех монастырях, но их не было при многих храмах; многие храмовые школы имели малограмотных учителей. Главное же — обеспечение низового духовенства нередко было

столь незначительным, что, по словам Авраамия Палицына, многие «иже разум имущие» (т. е. образованные люди) — даже из семейств священнослужителей «не восхотела по отцех служити алтарю Господню, но бывающе судии и книгочия земстии». Вместо же них «невежда же и не научении, тии церковное правление восприемляху» («Русская историческая библиотека», в. XIII, стр. 348).

Макарий правильно обратил внимание на лучшее обеспечение благо духовенства. Собор принял соответствующие решения в этом направлении.

После этого Собор, по настоянию Макария, при полном и активном сочувствии Ивана Грозного, во-первых, напомнил монастырям о необходимости открыть школы там, где их не было, и увеличить существующие.

Следующее решение: «во всех городах выбрать добрых (т. е. хорошо подготовленных.—Н. В.) священников и диаконов... и в их домах открыть училища» (цитирую по работе К. Заусцинского, стр. 12) только и правильным будет понимать в том смысле, что из числа занимающихся школьным начальным обучением надлежало отобрать лучших и их, коим и поручить открытие училищ несколько повышенного типа (в роде прообраза позднейших духовных училищ). Что речь шла именно о таких училищах, говорят дальнейшие слова этого же постановления, представляющие как бы наброски программы их: «...учить псалмопению, чтению наложному и пению и канонархию по церковному чину».

На протяжении всей своей дальнейшей деятельности Макарий ревностно следил за выполнением решений Стоглавого Собора, им же, Макарием, и подготовленных.

Макариевская «Академия XVI века», возглавляемая ее мудрым Святителем — «президентом», продолжала обогащать русскую культуру новыми ценными вкладами.

Составлялись новые жития и исправлялись прежде написанные. Уже после окончательной редакции «Великих Четьих-Миней» известный нам Василий (Варлаам) по поручению и под редакцией Макария составил жития Саввы Крыпецкого, Никиты, Нифонта, епископа Новгородского и Исидора Юрьевского. В 1553 г. при участии Макария составляется житие Даниила Переяславского.

Огромное литературное движение, порожденное Макарием, надолго пережило его. Продолжатели его «житийной» деятельности, авторы позднейших «Четьих-Миней» свящ. Милютин (1646—1654 гг.) и Св. Димитрий Ростовский (1684—1689 гг.) могли совершенствовать на более высоком научном уровне русскую агиобиографию, имея такого великого предшественника.

Нельзя оторвать имени Макария и от столь крупного и для своего времени, и даже для XVII века труда, как «Степенная Книга». Автором ее долгое время считали Митрополита Киприана. В последние десятилетия установлено, что основным ее составителем был ученик Макария пресвитер Андрей, труд коего был обработан Макарием. Когда после смерти Макария Андрей (в иночестве — Афанасий) стал преемником своего учителя на кафедре Всероссийского Митрополита (1564—1566 гг.), он пополнил свою знаменитую книгу. Это был уже труд по истории Руси.

Используя сведения, опубликованные в хронографе (обозрение всемирной истории) старца Псковского монастыря Филофея, руководствуясь данными многих летописей, авторы в этом труде дают не простой сборник механически сцепленных фактов, а «цельное произведение, связанное одной общей идеей» (проф. С. Ф. Платонов, «Лек-

ции по русской истории», изд. 9-е, 1915, стр. 6). Этой сквозной идеей произведения была цель представить деятельность князей и царей династии Рюриковичей, как силы, организующей русское государство. Название свое она получила потому, что изложение было разделено на 14 частей, представляющих каждая описание деятельности одного «поколения» — «степени» родословия Рюриковичей. Она излагала в хронологическом — «постепенном» порядке деятельность князей, начиная с Рюрика и русских митрополитов.

Степенная книга — апология государственно-собирательной деятельности московских князей.

Для этого труда Макарий подготовил совершенно новые редакции в ином, чем для «Четьих-Миней», плане. В «Степенной книге» жизнь и подвижничество святых угодников описывается только в связи с другими историческими событиями и в соответствии с участием святых в них.

В начале 50-х годов «Академия XVI века» под непосредственным руководством и при участии того же неутомимого Святителя-вдохновителя приступает к составлению нового капитального по объему летописного общерусского свода, получившего через два столетия наименование «Никоновской летописи».

«Авторским коллективом» была использована громадная литература: едва ли не все прежние местные летописи и летописные своды, греческие хронографы, источники по истории балканских стран и пр. Все эти материалы были перекрестно проверены и капитальнейше переработаны и по существу, и по форме изложения. Всякий, сколько-нибудь знакомый с никоновской летописью, может удостоверить, что в ней не осталось и следа «провинциальной» удельно-феодальной ограниченности, столь характерной для многих прежних местных летописей. От начала до конца в ней выражен действительно общерусский взгляд при объяснении событий и недавнего и отдаленного прошлого. Важно отметить, что в этом своде есть немало сведений, которых мы ни в каких других дошедших до нас источниках найти не можем.

Трудам питомцев макариевской «Академии» русская культура обязана выходом в свет монументальной «Истории о Казанском ханстве».

Макарий и лично был хорошим иконописцем и отечески покровительствовал способным художникам, всемерно привлекая их в свой, блистающий дарованиями кружок. Известно, сколь великое внимание уделял святитель делу улучшения иконописания вообще. При нем иконописцы Москвы, а позже — и других городов получают твердую и разумную организацию; им непосредственно устанавливаются основные принципы иконописи. Макарий — убежденный сторонник русского стиля в церковной живописи; он призывает мастеров следовать лучшим русским образцам, ставит в пример гениального инока — художника Андрея Рублёва.

За отсутствием достаточных данных мы не имеем возможности сказать был ли Макарий, или Иван Грозный, или кто другой инициатором книгопечатания в Москве.

Точно мы лишь знаем, что когда царь публично высказался за организацию этого дела на Руси, святитель сказал, что Сам Бог внушил царю эту мысль и что она есть дар, ниспосланный свыше, и в дальнейшем принимал энергичные меры к подысканию мастеров и созданию первой типографии.

В одной из записей за 1556 г. находим сведения о пребывании в Москве «мастера печатания книг» Маруша Нефедьева — родом новгородца. Но потом этот мастер как-то канул в безвестность. Как известно, действительные первопечатники — дьяк Иван Федоров и Петр Тимо-

феевич Мстиславец приступили к набору первых книг уже в последний год жизни Макария — в 1563 г.

Всем памятно со школьных лет, какой неистовый шум подняли вокруг типографии суеверы, фанатики, переписчики книг. В этой обстановке типография могла работать только потому, что она пользовалась энергичным покровительством Первосвященника.

Так как вокруг Макария и под его руководством группировались почти все основные культурные силы страны, мы вправе считать, что он был кормчим русской культуры своего времени.

Правда, вне его «кружка» стоял один из выдающихся мыслителей XVI века Максим Грек, о котором я опубликовал в нашем журнале (№ 6 за 1945 г., стр. 57—65) небольшое исследование.

Что касается других деятелей, можно сказать следующее: публицист Иван Пересветов тоже едва ли лично входил в культурное окружение Макария. Зато по направленности своего творчества он весьма близко стоял к деятелям «Академии», в особенности к таким, как Ермолай-Еразм.

Нельзя отрывать от Макария и самого Ивана Грозного как писателя. Все-таки в этом отношении он был выучеником Макария, чего не забывал и сам.

Наконец еще об одном «не-макариевце» — князе Курбском. О нем вообще нужно сказать, что значение этого, бесспорно очень хорошего риторика (правда, больше вылощенного в духе иезуитской стилистики, чем талантливого) усердно раздуто, крепко преувеличено той частью историков и литературоведов, которые в Грозном хотели видеть только тирана и маниака и отрицали в Грозном последовательного и мудрого государственного деятеля. В работах исследователей этого направления всячески замалчивается или же всеми средствами смягчается тот факт, что Курбский был не только знаменем боярства, тянувшего Родину назад к удельно-феодальным порядкам, но и прямым изменником Родины.

Все вышесказанное лишь подтверждает принципиальное утверждение, что Макарий был кормчим русской культуры. Как писателю, ему лично принадлежит до 25 произведений небольшого объема, не считая работ, авторство которых не доказано.

Скончался Макарий 31 декабря 1563 года, на 82-м году своей земной жизни.

Не преувеличивал Иван Грозный, когда в 1556 г. он писал Казанскому архиепископу Гурию: «О Боже, как бы счастлива была русская земля, если бы владыки были таковы, как Преосвященный Макарий да ты».

НИКИТА ВОЛНЯНСКИЙ

СВ. ДИМИТРИЙ, МИТРОПОЛИТ РОСТОВСКИЙ

(Из истории Русской Церкви XVII ст.)

I

Святитель Димитрий Ростовский — выдающийся деятель Русской Церкви второй половины XVII века.

Своими церковно-литературными трудами и неутомимой практической деятельностью он принес большую пользу не только современной ему Церкви, но украсил себя великими заслугами на все последующие времена христианской жизни.

Значение его для нашей Родины не временное, но постоянное и жизненное, что свидетельствуется искренней и благоговейной любовью нашего народа к памяти Святителя.

Св. Димитрий родился в декабре месяце 1651 г. в незначительном городке Макарове (в 10 км от Киева) в благочестивой семье казачьего сотника Саввы Григорьевича Тупталы, впоследствии ктитора Киевского Кирилловского монастыря (скончавшегося 103 лет) и супруги его Марии Михайловны и при крещении получил имя Даниила.

Дома, под руководством отца, Даниил обучался русско-славянской грамоте, изучал Часослов и Псалтирь. Для обучения языкам и другим наукам отец в 1662 г. отдал его в Богоявленское братское училище — Могилянскую Коллегию. Здесь он выявил хорошие успехи и превзошел своих сверстников. Особенно любил он излагать религиозные темы в стихотворной форме и говорить назидательные поучения. В школе же обнаружилась у него склонность к подвижнической и созерцательной жизни.

Окончить Богоявленское училище отроку Даниилу не удалось, ибо с 1665 г., в связи с войной, занятия в нем надолго прекратились. Однако в школе он получил достаточное развитие, так как обучение носило энциклопедический характер. Оно приучило св. Димитрия пользоваться книгой, что в дальнейшей интеллектуальной жизни Святителя сыграло огромную роль.

Следуя своей склонности к тихой созерцательной жизни, Даниил 18 лет от роду, испросив благословение у родителей, удаляется в Киево-Кирилловский монастырь, где настоятелем был его ректор Мелетий Дзик, а ктитором его отец.

9 июля 1668 г. Даниил постригается в монашество с именем Димитрия.

Смирением, послушанием и братолюбием сопровождал он свои иноческие подвиги. 25 марта 1669 г. инок Димитрий посвящается в сан иеродиакона и, пребывая в нем, продолжает свои научные занятия.

Архиепископ Черниговский Лазарь Баранович (1657—1692) обратил внимание на высокие качества иеродиакона Димитрия и пригласил

его в свою епархию. 23 мая 1675 г. он рукоположил иеродиакона Дмитрия во иеромонаха и возложил на него обязанности проповедника слова Божия.

Этим начинается новый период в жизни и деятельности св. Дмитрия.

II

В течение двух лет св. Дмитрий с успехом проповедует в соборной и других черниговских церквах. Проникнутые глубоким религиозным содержанием и сердечностью его проповеди производили сильное впечатление на слушателей. Народ с радостью и любовью слушал его живое слово.

Далеко за пределы Малороссии разнеслась слава о нем, как о выдающемся проповеднике.

Белорусский епископ Феодосий упросил св. Дмитрия остаться в Литве, когда он прибыл в Новодворский монастырь на поклонение чудотворной иконе Божией Матери.

Около двух месяцев проповедывал св. Дмитрий в Свято-Духовском монастыре г. Вильны, а затем в 1678 г. переехал в г. Слуцк, где пробыл более года.

В Литве удерживали св. Дмитрия, но Малороссия не хотела терять своего проповедника. Звали его к себе одновременно и гетман Самойлович и Мелетий Дзик. Он избирает гетманский город Батурино, куда и переезжает в 1679 г. в находившийся там Никольский Крутицкий монастырь. Здесь он усердно занимается проповедыванием слова Божия.

За этот полезный и необходимый особенно для того времени труд архиепископ Лазарь Баранович поставляет его в 1681 г. игуменом Свято-Преображенского Макаковского монастыря (Черниговской епархии). Через пять месяцев, по желанию гетмана Самойловича, св. Дмитрий принял игуменство в Свято-Никольском монастыре г. Батурина. Будучи игуменом, он постоянно поучал братию и словом Божиим, и личным примером подвижнической жизни.

На протяжении всей своей жизни, до самой своей кончины, св. Дмитрий неустанно проповедует.

Самые разнообразные темы затрагивает он в своих проповедях: догматические, исторические, но, главным образом, нравственно-практические. Не проходило ни одного богослужения без проповеди. В случае невозможности по болезни, или по другим обстоятельствам самому проповедывать, св. Дмитрий поручает другим прочитывать его собственные проповеди, которые он всегда конспектировал.

К большому сожалению, до нас дошло только 120 проповедей, из которых 115, сказанных в Великороссии, и только 5 — в Малороссии. А ведь он 25 лет проповедывал с церковной кафедры слово Божие на своей Родине.

Проповеди св. Дмитрия проникнуты глубоким чувством, искренностью, кротостью и сердечностью. Ростовский проповедник вложил в них свою благодатную душу, свое кроткое, мягкое сердце и смиренно-мудрый ум. До сих пор своим содержанием благоговейное слово Святителя вполне достойно быть образцом для христианского проповедника.

III

В 1684 г. начинается новый славный период жизни Святителя — составление житий святых. По просьбе архимандрита Варлаама Ясинского, он переселяется в Киев, где приступает к этому великому делу,

которое стоило ему двенадцатилетних трудов и здоровья и которым он оказал величайшую услугу Русской Церкви.

Св. Димитрий начал писать свои «жития святых», известные под именем Четьих-Миней, 6 мая 1684 г.

Для составления жития святых он использовал огромную литературу: Маттирологи, жития святых древней Церкви, Минологи, Прологи и Трифологи. Пользовался он также и западным изданием житий святых «Acta Sanctorum» Балланда.

В основу же своего труда св. Димитрий положил, главным образом, Великие Четьи-Минеи Митрополита Макария.

Своей задачей он поставил дать читателю компактное, по возможности сжатое, но полное изложение жизни святого.

Начав в 1684 г. составление первой книги, включающей в себя сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы, в г. Киеве, св. Димитрий в 1689 г. переезжает игуменом в Свято-Никольский Батуринский монастырь, где и заканчивает ее, а к концу 1689 г. она уже выходит из печати.

В 1691 г. св. Димитрий по возвращении из Москвы в г. Батурино приступает к составлению второй книги, включающей в себя декабрь, январь, февраль месяцы, и заканчивает ее в начале 1693 г. Назначение его игуменом Петропавловского монастыря г. Глухова задержало печатание второй книги, которая вышла в свет только в 1695 г.

В том же 1695 г. св. Димитрий приступает в г. Глухове к составлению третьей книги — март, апрель и май месяцы. В конце 1696 г. его переводят игуменом Киево-Кирилловского монастыря, в 1697 г. — архимандритом Елецкого Успенского монастыря в г. Чернигове, а в 1699 г. он переводится архимандритом в Спасский Новгород-Северский монастырь, где и заканчивает третью книгу жития святых, вышедшую из печати в 1700 г.

В 1701 г. Петр Великий назначил св. Димитрия Митрополитом Сибирским, но по состоянию здоровья он в Сибирь не поехал и получил в январе 1702 г. новое назначение — Митрополитом Ростовским. Несмотря на перегруженность делами по управлению обширной епархией, он в том же 1702 г. приступает к составлению четвертой книги жития святых, включающей в себя июнь, июль и август месяцы.

9 февраля 1705 г. он заканчивает четвертую книгу, которая в том же 1705 г. и выходит из печати.

Значение Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского велико. В них дается читателю компактное, но полное, критически проверенное, изложение житий святых. Заслуга св. Димитрия в этом направлении не только перед Русской, но перед всей христианской Церковью огромна.

IV

Святитель Димитрий выступает и как видный церковный писатель и борец за православие.

Эта деятельность захватывала все его существо и являлась *tonus*’ом его жизни.

Вторым, капитальным после Четьих-Миней, трудом (правда, незаконченным) является «Летопись келейная», излагающая события библейской истории от сотворения мира до Рождества Христова, но доведенная только до 3600 г.

Назначался этот труд также и для келейного назидательного чтения, откуда и название его «Летопись келейная».

Библейскую историю св. Димитрий излагает кратко, зато нравственно-поучительную часть он старается изложить возможно подроб-

нее. Для этой цели он использовал как большой исторический материал, так и нравственно-поучительный.

По борьбе с расколом св. Димитрий пишет свой третий большой труд «Розыск о раскольниковской брынской вере». Это — прекрасный материал для истории раскола, где вскрываются причины его появления, различные разветвления его, главные пункты учения и разбор их. Кроме того, он рисует нравственную и бытовую жизнь раскольников. Этот полемический труд сыграл видную роль в борьбе Православной Церкви с расколом. Он не потерял своего значения и до настоящего времени.

К малороссийскому периоду жизни Святителя относятся следующие его сочинения: «Руно орошенное», написанное по поручению архиепископа Лазаря Барановича. В нем он описал чудеса от чудотворного образа Богоматери, находящегося в Черниговском Троицко-Ильинском монастыре, собрав существовавшие в то время сказания о чудесах. «Алфавит духовный», в котором даются Святителем в алфавитном порядке наставления к духовной жизни. «Летопись о славянском народе», «Летопись о построении церквей и поставлении архиереев», «Каталог Российских Митрополитов».

Из других сочинений св. Димитрия необходимо отметить:

«Апология» — диалогическая беседа утешающего со скорбящим. Направлена эта беседа к утешению печали человека, находящегося в беде, гонении и озлоблении. «Краткий катехизис» — изложение учения о вере в вопросах и ответах, «Рассуждения об образе Божиим и подобии в человеке», «Диарии», т. е. дневные записки, «Краткий Мартиролог».

Известны его краткие наставления, к которым относятся:

«Благодатные размышления о страданиях Господа нашего Иисуса Христа», «Рассуждение о причащении Божественных Таин», «Врачество духовное на смущение помыслов», где приводится много примеров, взятых из святоотеческих книг, «Духовное обучение внутреннего человека в клети сердца наедине поучающегося и молящегося втайне», «Жизнь св. вликомуч. Варвары».

Имеются и духовно-лирические произведения: «Плачь на погребение Христова», «Целование удов или ран Господа нашего Иисуса Христа».

Святитель оставил нам много кратких обращений и молитв: «Поклонение Св. Троице», «Поклонение Господу нашему Иисусу Христу», «Поклонение Пресвятой Богородице», «Поклонение Пречистым Христовым Тайнам», «Молитва исповедная повседневная», «Молитва, или краткое воспоминание страстей Христовых», «Исповедание грехов генеральное».

Оставил много гимнов, песней, стихотворений.

Известны также и пастырские послания св. Димитрия. Все его произведения отмечаются глубиной мысли, высотой христианского чувства и христианской настроенности. Он согревал огнем христианской любви каждую свою мысль, каждое движение своего сердца. Вот почему произведения св. Димитрия, являясь творчеством XVII века, не потеряли своего значения и до настоящего времени.

V

В течение 28 лет ведет Святитель руководящую и направляющую работу. Но во всей своей административной деятельности он применял единственный метод — воспитательное и образовательное воздействие

на окружающих. Назидательное ласковое слово, разъяснение, совет, указание воспитывали всех, соприкасающихся с ним.

Личный пример, личное усердие и труд — вот пути его административного руководства.

Особенно много нестроений встретил Святитель в церковной жизни Ростовской епархии.

Как просвещенный архипастырь, он не пользуется карательным методом воздействия, а применяет метод наставления, увещания, вразумления и всякого назидания, рассылая по епархии пастырские послания.

Для поднятия умственного уровня духовенства св. Димитрий создает духовную школу и старается о ее процветании. Школа явилась излюбленным детищем архипастыря. С чисто отеческою заботливостью он относился как к учителям, так и к ученикам, которых было до 200 ч. Он часто посещал школу, слушал и испытывал учеников в успехах, сам исповедывал и приобщал.

Обучение носило классический характер: преподавались греческий и латинский языки.

По праздникам ученики разыгрывали пьесы и диалоги.

Сам Святитель составил драмы: «Рождество Христово», «Воскресение Христово», «Грешник кающийся», «Эсфирь и Агасфер», «Успенская» и «Венец славнопобедный св. великомученик Димитрий».

Оканчивавших школу он тщательно распределял на свободные священнические места и не оставлял своих учеников как духовной, так и материальной помощью.

Большое внимание уделял св. Димитрий строительству храмов, их благоуукрашению и особенно благолепному и благоговейному совершению богослужений.

Борьбу с расколом св. Димитрий вел не только литературным методом, но и словом беседы, разъяснения, увещания. Он совершал частые объезды своей епархии, густо населенной старообрядцами, и старался, на основе Свящ. Писания, доказать неправоту раскола и необходимость возвращения раскольников в лоно христианской Церкви.

К одной цели была направлена административно-просветительная деятельность св. Димитрия: к христианскому перевоспитанию окружающих. Без суровости, но с ласковым, назидательным словом шел он по пути административного руководства, и яркие огоньки христианской деятельности зажигал в сердцах своих подчиненных и своих питомцев, вкладывая сердце и душу свою, чтобы привести словесные овцы своя к Пастыреначальнику Христу.

VI

«Се покой мой, zde вселюся во век-века», — сказал св. Димитрий, приехав после назначения в Ростов.

Вдохновенное предчувствие Святителя его не обмануло: Ростов был последним этапом его жизни.

Св. Димитрий часто болел, и час смертный всегда предстоял перед взором Святителя. За два с половиной года до смерти он составил завещание, в котором просил не искать ни золота, ни серебра, ни других драгоценностей, ибо все это он отверг в жизни и не стремился к любостяжанию.

Приближались дни и часы его ухода из этой жизни. Могучий дух его еще борется с овладевшим телом недугами, дрожащая его рука еще водит пером, застилающиеся глаза еще стараются разглядеть любимые письма, но Святитель уже предчувствует близость своей кончины.

26 октября 1709 г. память св. муч. Димитрия Солунского — небесного покровителя и ангела св. Димитрия. Несмотря на сильные припадки кашля, св. Димитрий совершает последнюю Литургию. На следующий день болезнь усилилась. Утром 28 октября 1709 г. Ростовский архипастырь был найден в своей келье, почившим на коленях, в молитве...

Тело его было предано погребению архиепископом Рязанским Стефаном (Яворским) 25 ноября, в Яковлевском монастыре, согласно воли Святителя.

В сентябре (21) 1752 г. мощи св. Димитрия обретенны нетленными. 22 апреля 1757 г. Святитель Димитрий причислен к лику святых. Память его празднуется св. Церковью 21 сентября.

VII

Красив и величествен нравственный облик Святителя Димитрия.

Христианский уклад ярко характеризовал духовную структуру его личности на всех ступенях его жизненного пути. В детстве, в отрочестве, в юности он впитывает в себя все возвышенное, все прекрасное. И рано, очень рано, уже в 18 лет на прекрасно подготовленной канве появляется нравственно красивый узор великого христианина и деятельного подвижника.

Как прекрасным венком, он украшает себя добродетелями иноческого жития, выполняя данные им обеты. Смирение всю жизнь сопровождает Святителя. Он — инок, он — игумен, он — Митрополит, но всюду смиренномудрие его добродетель. Он не раздражается, не сердится, никого не обижает, а исключительно христианским смирением украшает свои чувствования, желания, поступки.

Там, где необходима была строгость, жесткость, он с любовью подходил к исправлению недостатков, погрешностей. Это был любвеобильный отец. Обаяние его личности окружает Святителя.

Вот как характеризует жизненный путь Святителя его дееписатель: «Сей (св. Димитрий) богобоязливый муж был острого разума, великого просвещения, великую имел склонность к наукам, любил добродетельных и честных людей, к высшим почтителен, к равным благосклонен, любовен, приветлив, к подчиненным милостив, к несчастным сострадателен, к неимущим благотворителен, к бедным весьма щедр. Скупость в сердце его не обитала, любостяжание в нем не имело места, сребролюбие же совсем от оногo прогнано было»¹.

Подвигом добрым подвизался Святитель, жизненное течение свое совершил, веру сохранил (2 Тим. 4, 7) и Господь увенчал Своего верного и послушного сына венцом небесной радости и земного нетления.

VIII

Два с половиной века отделяют нас от Святителя Димитрия, но по-прежнему горит немерцающим светом эта «Звезда Российская, всю страну учением и чудесами озарившая» (конд. Святит.) и по-прежнему звучит эта «Златословесная цевница духовная» (троп.). Он так же близок нам по духу, по вере, по учению и жизни, как духовно был близок и своим современникам.

Помимо его значения, как светильника Русской Христовой Церкви, имя его велико еще и с другой стороны. Он является патриотом своего отечества. В борьбе Москвы с Малороссией он принял сторону первой и тем оказал значительную услугу Русскому Государству. Притом, св.

¹ Житие св. Димитрия, М. Ростовского, 33 лист.

Димитрий не только современник Петра Великого, но и сподвижник его во многих мероприятиях. Он принял, например, участие в постановлении о бороде и усах, написав даже с этой целью особый трактат: «Рассуждение об образе Божием и подобии в человеке». Он оказался верным сыном своей нуждавшейся в реформах, отчины.

Сильный духом, правда, слабый телом, Святитель до конца жизни остался верен себе, как великий пастырь «душу свою положивший за овцы своя» (Иоан. 10, 11). Пока будет гореть на Руси светильник веры Христовой, высоко на свещнице Русской Церкви вместе с другими угодниками и святителями будет стоять и Святитель Димитрий, Митрополит и чудотворец Ростовский.

СВЯЩЕННИК В. ГАНЕЦКИЙ

СМОЛЕНСК, ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ, И ГОСУДАРСТВА

Город Смоленск — один из древних городов нашего отечества и еще до основания Русского Государства был столицею многочисленного и сильного славянского племени — кривичей. Название же свое этот город получил оттого, что здесь гнали смолу.

Первоначальный период жизни Смоленска относится к языческому времени.

На Соборном холме, где впервые возник город, стоял идол Перун. В 882 г. Вещий Олег, плывя с многочисленным войском на юг по Днепру, покорил Смоленск, посадил в нем своего посадника и ввел его таким образом в состав Русского Государства.

Первые семена христианства были занесены в Смоленск первым русским Митрополитом Михаилом, который с 6 епископами, направляясь в г. Новгород через Смоленск, испроверг идолов и поставил первые церкви (Архангела Михаила на Соборной горе и Св. Василия на Вознесенской горе).

В 1101 г. при Владимире Мономахе был заложен Смоленский знаменитый Мономахов собор, который существовал до 1611 г.

Главная достопримечательность Смоленского собора — Чудотворная икона Божией Матери — «Одигитрия», благоговейно чтимая не только Смоленской областью, но и всей православной Россией. Она написана, по словам Никифора Каллиста, Евангелистом Лукою, по просьбе Правителя Сирии Феофила.

По свидетельству Димитрия Ростовского, эта икона впоследствии была перенесена в Иерусалим, а оттуда в V веке во Влахернский храм в Константинополе, где за многие исцеления верующие присвоили ей название Одигитрии.

1046 г. греческий император Константин Мономах, выдавая дочь свою Анну за одного из сыновей Ярослава — Всеволода, благословил ее этой иконой.

Княгиня Анна до кончины своей хранила икону в Чернигове, перед смертью же благословила ею своего сына Владимира, Смоленского удельного князя, после чего икона была перенесена в Смоленск и поставлена была в новоустроенном соборе в 1103 г.

Вблизи Смоленска на р. Смядыни во вновь устроенном храме были положены мощи св. мучеников Бориса и Глеба.

В XII веке в Смоленске подвизался преподобный Авраамий, а в XIII веке мученик Меркурий, которого Сама Пресвятая Богородица послала на освобождение смолян от татар.

В том же XIII веке Смоленском управлял князь Андрей, о котором говорится, что он «за некую крамолу и братоненавидение» уда-

Смоленский Кафедральный собор

лился из Смоленска в Переяславль, где 30 лет никем не знаемый, пребывал у церкви Св. Николая, пономарствуя, труждался, яко един от убогих».

С 1404 по 1514 г. Смоленск очутился под властью Литвы.

В этот период православная вера претерпевала стеснение от иноверных королей, но Смоленск остается городом православным.

Зависимостью от Литвы жители Смоленска тяготились и стремились в единоверную Москву до тех пор, пока, наконец, при Василии III, Смоленск был снова присоединен к Москве.

Между тем наступило на Руси Смутное время, когда Польский король Сигизмунд III осадил Смоленск.

Осада продолжалась 20^{1/2} месяцев, сопровождалась всевозможными бедствиями и пожарами. Жители, предводимые воеводами: Шеиным, Горчаковым и архиепископом Сергием не только не сдавались полякам, но подавали пример и жителям других городов, призывая всех к единению и к борьбе с поляками.

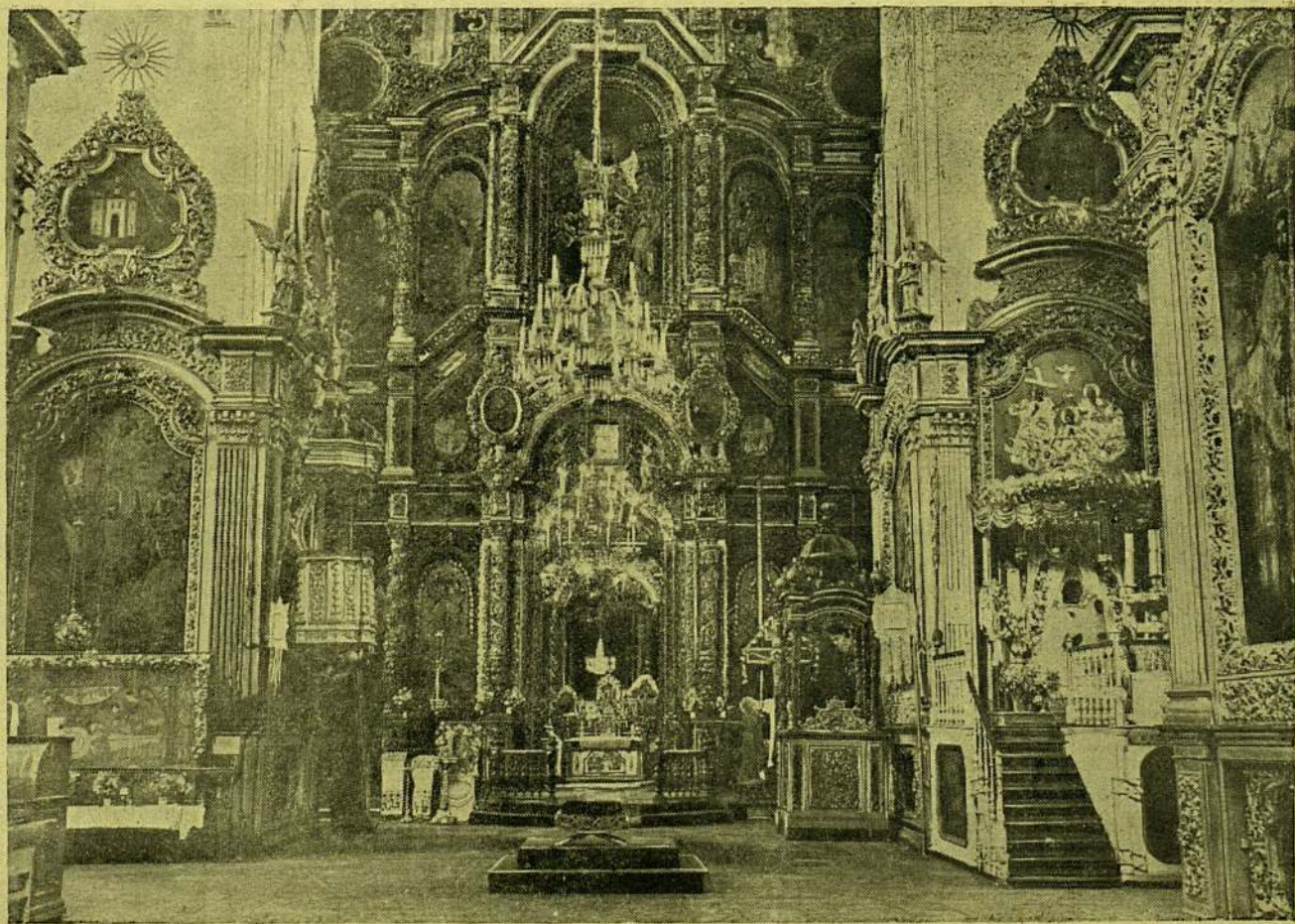
В полночь со 2 на 3 июля 1611 г. поляки ворвались в город с двух сторон. Беззащитные жители искали убежища в Мономаховом соборе, в то время обведенном, подобно крепости, высокою каменной стеной. Когда бросились сюда поляки, некто Белавин взорвал хранившийся здесь в огромном количестве порох, и Собор Мономахов, а под его развалинами и все жители погибли. Погибли также в это время мощи Меркурия в соборе и мощи преп. Авраамия. Город был взят. Воеводы Шеин, Горчаков и архиепископ Сергей отвезены были в плен, в Польшу.

Описываемый момент самоотверженной защиты Смоленска и высокого патриотического подъема зафиксирован на мемориальной доске, сохранившейся на нынешнем здании Смоленского Успенского собора.

С западной стороны собора, у входных дверей, прибита следующая доска:

В память 300-летия защиты Смоленска от поляков в 1611 г.

«У нас, у всякого инока, служилых и ратных людей, дан обет во храме Пресвятыя Богородицы, чтоб всем нам помереть за истинную

Внутренний вид Смоленского Кафедрального собора

веру православную и за святых Божии церкви и за Тебя Государя Царя и Великого Князя, и за Твое крестное целование (из челобитной смолян Московскому Государю 1609 г.) — Смоленскому Архиепископу Сергию, воеводам Михаилу Шеину, Князю Горчакову, доблестным воинам и погибшим под развалинами взорванного древняго Мономахова Собора 3 июня 1611 г. гражданам — мученикам вечная память. — Упорным сопротивлением Смоленск, задержав поляков, дал возможность собраться всей земской Руси и тем спас Москву и все государство в смутную пору».

Смоленская Ученая Архивная Комиссия.

После 20½ месяцев осады Смоленск достался Сигизмунду III в развалинах.

Жителей ослалося около 2000 человек.

Желая привести Смоленск в лучший вид и заселить его, Сигизмунд раздаст целый ряд грамот, давая разные вольности и привилегии жителям. Права Церкви Православной были стеснены и урезаны. Господствующим вероисповеданием явилось католическое. В Смоленске открыта была католическая епископия. На месте взорванного Мономахова собора начал строиться католический собор.

Смоленск наводняется в это время монахами разных католических орденов: иезуитов, доминиканцев, бернардинцев.

Однако в эту тяжелую для Смоленска эпоху не только не прекратилось православие, но окрепло еще более.

В 1611 г., после Деулинского перемирия, возвратились из польского плена Митрополит Филарет, Шеин и архиепископ Смоленский Сергей, получив право свободного вероисповедания, и православие в это время окрепло настолько, что назначенный в Смоленск фанатичный униатский епископ Лев Кревза жаловался Владиславу IV, что в своей обширной епископии (Смоленской и Черниговской областях) не имеет, где главу преклонить.

Современная церковная жизнь сосредотачивается в настоящее время около Смоленского Кафедрального собора.

Во время последней Отечественной войны Смоленск пережил небывалое разрушение. Здания его разрушены на 90%, и среди этих развалин каким-то чудом сохранился собор, который, несмотря на повреждение и порчу окон, в основном сохранил свое величие.

По выражению историков, Смоленский собор принадлежит к числу знаменитых и величественных храмов нашего отечества. Построенный почти в центре города, на высокой горе, он сразу выделяется из массы городских зданий.

Заложен был собор в 1677 году.

По размерам собор поразительный: высота — 65 метров, длина — 50 метров, ширина — 40 метров.

Сравнительно с Московским Успенским собором — он почти вдвое больше.

Во время нашествия французов в 1812 г. собор, благодаря своему великолепию, а также умелому ходатайству смоленского историка свящ. Мурзакевича, остался невредим. Гордый завоеватель Наполеон I при входе в храм был поражен его видом, снял шляпу и дал приказание поставить стражу для его охраны. В Успенском соборе находится также чтимый образ Смоленской Надворотной иконы Божией Матери — Одигитрии, сопутствовавшей русским войскам в 1812 г. и перед которой Кутузов молился перед сражением.

Сохранилась до настоящего времени мемориальная доска, относящаяся к этой иконе, на которой написано:

«Икона Божией Матери «Одигитрии», при отходе русских войск от Смоленска в 1812 г. для спасения от похищения неприятелем, была взята и препоручена 6 августа батареей № 1-го роте 3-й артиллерийской бригаде, бывшей под командой полковника Глухова, при которой она и возилась на ходу взорванного в сражении у Смоленска зарядного ящика. По освобождении города Смоленска от неприятеля 8 ноября того же года — Икона была вновь возвращена на свое место. Во время кампании 1812 г., когда сохранилась Икона, в роте на службе находились командир батареи Полковник В. А. Глухов, Штабс-Капитан И. Ф. Богданович, Поручик А. И. Греч, Подпоручики: М. К. Реан, Г. Г. Сигунов 2, А. А. Ольхин, Прапорщики: Н. Г. Сигунов 3, П. Д. Зеленин. Сооружена доска в 1812 году состоящими в батарее по службе: Офицерами Подполковниками Д. А. Одинцовым, Капитанами В. И. Игнатьевым, А. М. Цицероном, Шт.-Кап.: В. Е. Веймарн, В. В. Коровьевым, Поручиком Д. Д. Туровым и нижними чинами 1 бат. 13 арт. бригады, бывшей в 1812 г. батареей № 1 роты 3-й артиллерийской бригады».

В соборе находятся железные сандалии св. мученика Меркурия, Смоленского чудотворца, спасшего Смоленск от нашествия татар и знамена русских ополчений 1812 года.

Богоявленский теплый собор, построенный в 1784 г., в последнюю войну был наполовину разбит бомбой. В настоящее время восстановлен и в нем совершается служба.

Значение Смоленска — общеизвестно. В Смоленском историческом музее читаем следующую надпись: «Смоленск — ключ Москвы». В 17-м веке его называли ключом Москвы, но с равным правом его можно назвать и ключом Литвы, потому что тот, кто им владел, получал возможность распоряжаться и в области Западной Двины и в области Верхнего Днепра. Если же Смоленск становился базисом против Москвы, то из него можно было идти не только на самую Москву, но и на Тверь, и на Северную Русь. Такое положение Смоленска в центре многих сообщений придавало ему важность и в торговом отношении. Через Смоленск шли сухопутные товары в Москву из Литвы, из стран, лежащих за нею, и в Смоленске был «особый Гостиный Двор на посаде».

Борис Годунов называл Крепостную Смоленскую стену «Ожерельем Русского Государства».

Какую роль играл Смоленск в прошлом среди русских городов видно из исторической справки, имеющейся в том же Историческом музее г. Смоленска.

В этой справке сообщается, что один лишь Петр Великий посетил Смоленск 6 раз.

Мать его, Наталия Кирилловна Нарышкина, воспитывалась в Смоленском девичьем Вознесенском Монастыре.

Из Смоленской области вышел родом известный великий русский исследователь Н. М. Пржевальский и известный композитор М. И. Глинка, которому сохранился в Городском парке памятник и поныне. Из Смоленской же области вышли: Хомяков, Станюкович, Рачинский (известный педагог) и Апостол Японии Архиепископ Николай (Касаткин).

Значение Смоленска для Русского Государства всегда было велико. Смоленск грудью своею защищал столицу государства — Москву, задерживая надвигавшиеся с запада нашествия на Русскую землю. Он принимал на себя все первые и сильные удары, направляемые про-

тивником в лицо нашего Отечества. Сохранилась в Смоленске улица, называемая Резницкая в память того, что здесь, на этой улице, происходили самые беспощадные бои в 1611 г. при наступлении поляков.

Вся религиозно-нравственная жизнь Смоленска и окрестностей до настоящего времени ведется вокруг собора.

В великие праздники он принимает в себя приток не только смолян, но и богомольцев, приезжающих по жел. дор. с разных концов.

НАСТОЯТЕЛЬ СОБОРА, ПРОТОИЕРЕИ ВАЛЕНТИН ПОЛИКАРПОВ

ИЗ ЖИЗНИ НАШИХ ЕПАРХИЙ

ИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЕПАРХИИ

ПАМЯТИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА СЕРГИЯ

(В Ленинграде)

15 мая исполнилось три года со дня кончины в Бозе почившего Святейшего Патриарха Сергия. В этот день, по благословению Высокопреосвященнейшего Григория, Митрополита Ленинградского и Новгородского, во всех храмах Ленинградской епархии были совершены заупокойные Литургии и панихиды.

Заупокойную Литургию и панихиду в Кафедральном соборе совершил преосвященный Симеон, епископ Лужский при сослужении соборного причта.

По окончании панихиды владыка Симеон обратился со словом, в котором обрисовал присутствующим личность и великое служение Церкви Божией Святейшего Патриарха Сергия, имя которого дорого и близко Ленинградской епархии, так как с 1901 по 1918 г. верующие знали почившего как епископа Ямбургского и архиепископа Финляндского и Выборгского, и постоянное молитвенное общение с ним во многих храмах Ленинграда оставило у них неизгладимую память.

В заключении своей речи владыка припомнил послания Святейшего к возлюбленной им пастве ленинградской, в которых ярко проявлялись его апостольская ревность и искренний глубокий патриотизм, припомнил его мудрые труды по управлению Православной Церковью и призвал молящихся в третью годовщину со дня кончины Великого Архипастыря вознести горячую молитву об упокоении души Великого Святителя.

ПРОТОИЕРЕИ ПАВЕЛ ТАРАСОВ

ИЗ ГОРЬКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

15 мая с. г. в день третьей годовщины со дня кончины Святейшего Патриарха Сергия в Воскресенском соборе города Арзамаса — родине покойного Первосвятителя — Преосвященным Зиновием, епископом Горьковским и Арзамасским, в сослужении с многочисленным духовенством из окрестных городов и сел, была совершена торжественная заупокойная Литургия, а накануне вечером был совершен парастас по уставу, каким любил совершать богослужение почивший Патриарх.

Прекрасно пел на правом клиросе местный хор певчих, а на левом — стройно и молитвенно пели монахини бывшего Арзамасского женского Алексеевского монастыря, где долгие годы служил родитель покойного Патриарха — протоиерей Николай Иванович Страгород-

ский, а сестра о. протоиерея — Евгения Ивановна Страгородская — была игуменией этого монастыря. Как за вечерним, так и за утренним богослужением собор был переполнен молящимися, которые возносили к небу свои горячие молитвы об упокоении души почившего Первосвятителя, а при произношении о. протодиаконом «Вечной памяти» Святейшему Патриарху Сергию у многих молящихся видны были на глазах слезы. По распоряжению епископа Зиновия после имени почившего Первосвятителя возносились поминовения и его родителей — протоиерея Николая и Любви, его деда и бабушки — протоиерея Иоанна и Пелагии, его сестры Александры и игумении Евгении.

За Литургией, после причастного стиха настоятель Арзамасского Воскресенского собора, протоиерей С. А. Перевалов произнес слово, в котором указал на то, что память об этом мудрейшем Первосвятителе особенно почитается многими арзамасцами, современниками его жизни, так как покойный родился, провел свое детство и юношество в г. Арзамасе. Воспитываясь в Алексеевском монастыре у игумении Евгении (покойный Святитель лишился матери в 2-летнем возрасте) под небесным покровительством особо чтимого арзамасцами Алексия, человека Божия, покойный отличался смирением, кротостью и послушанием. «Мы веруем, — сказал о. Перевалов, — что в дни наших молитв здесь, в храме родного его города, покойный Патриарх Сергей своим бессмертным духом соучаствует со всеми нами. Счастливы наш град, что он имеет такого великого Святителя, такого усердного молитвенника у Престола Божия за Церковь и Родину нашу». Закончил свое слово о. настоятель таким выражением: «... в этот день объединимся все в своей горячей молитве об упокоении его души в обители Небесного Отца и низко поклонимся пред его памятью с чувством сыновей любви и благоговения пред его светлым обликом».

По окончании Литургии, перед панихидой, епископ Зиновий, который был хиротонисован покойным Патриархом в сан епископа, сказал слово, посвященное памяти Первосвятителя, отметив в нем неизмеримо высокие заслуги почившего, как мудрого Кормчего Русской Церкви, как пламенного патриота нашей Родины во дни Великой Отечественной войны и просил слушателей не забывать завещания покойного быть верными гражданами Советского Союза не из страха, но по совести, как учит тому св. апостол Павел, а также быть преданными священным догматам Православной Церкви. В заключение своего слова владыка сказал, что наши потомки с благодарностью будут вспоминать покойного, как славного деятеля Русской Церкви, крупнейшего ученого-богослова и горячего патриота, и что мудрое правление его Церковью принадлежит истории, а ему будет отведено почетное место наряду с другими великими патриотами Земли Русской.

После богослужения, которое закончилось в 3 часа дня, молящиеся, подходя под благословение к владыке Зиновию, благодарили его за то, что в эти памятные для всех дни, он посетил их и разделил с ними молитвы о незабвенном Патриархе Сергии.

БЛАГОЧИННЫЙ ПРОТОИЕРЕИ ПАВЕЛ МОРОЗОВ

ИЗ КИРОВСКОЙ ЕПАРХИИ

НЕКРОЛОГ

17 февраля 1947 г. в г. Молотовске Кировской обл. в Бозе почил Преосвященный Георгий, епископ б. Вологодский. Родился он в 1861 г. в селе Мещерякове, Вятской губ.; крещен с именем Николай. В дет-

стве и отрочестве испытал большую материальную нужду. Не было у него самой необходимой теплой одежды. После окончания курса в Вятской Духовной семинарии с званием студента начинается много-трудный и ответственный путь. Деятельность его на пользу народа и Св. Церкви была разностороння и плодотворна. В первые два года по окончании семинарии он проходил должность учителя в народном училище. Затем определен настоятелем в церкви с. Костенева Елабужского уезда. По назначению епархиального начальства он проходил должности: катехизатора, законоучителя в разных школах в течение нескольких лет, наблюдателя народной библиотеки, члена Сарапульского отделения совета Вознесенского братства, благочинного сарапульских градских церквей, следователя по сарапульскому градскому благочинию, члена сарапульского духовного правления. Проходил должности по избранию: председателя Можинского церковно-приходского попечительства, депутата на окружные училищные съезды, члена ревизионного комитета по Сарапульскому духовному училищу, депутата на вятские епархиальные съезды в течение 5 лет, члена миссионерского и других разных обществ. Насколько плодотворна была его деятельность показывает внимание и оценка этой деятельности епархиальным начальством: его награждают, начиная с набедренника и кончая палицею и орденом св. Анны. За труды по благоустроению и благоуукрашению Троицкого Сарапульского храма преподано архипастырское благословение преосвященного Филарета, епископа Вятского и Слободского.

Но вот, с 1918 г. течение его семейной и общественно-церковной жизни, по неисповедимым судьбам Промысла Божия, резко меняется; следуют одно за другим испытания, которые явились для него тяжелым ударом: умирает старший сын 23 лет, через 2 недели второй сын 19 лет, вскоре умирает друг и спутник его жизни, через полгода — дочь 16½ лет. И это произошло в короткий период — в течение 3½ лет. С этих пор Господь указывает ему другой путь жизни и деятельности.

Он постригается в монашество с именем Георгия и назначается на кафедру епископа Елабужского, викария Сарапульской епархии.

В речи при первом служении в Елабужском Спасском соборе епископ Георгий сказал: «Я желал бы и молю о сем Господа, чтобы служение мое было в духе мира и любви — этой основе благоденственной христианской жизни. Без этого условия, без духа мира и любви, жизнь человека, особенно христианина, невозможна. Где нет духа мира и любви, где в основу жизни полагается эгоизм, там вы увидите распри, раздоры, несогласия, вражду, озлобление, гибель и конечное разрушение. Там же, где руководительным началом жизни является дух мира и любви, вы увидите полное доверие и единомыслие всех членов, полную готовность каждого послужить другому, отчего здесь всякое начинание и дело совершается с полным успехом, никакие невзгоды здесь не страшны, никакие несчастья и испытания не поколеблют такой семьи и общества, потому что там каждый старается помочь друг другу, утешить, ободрить, поддержать. Здесь полное благоденствие, ибо здесь обитает Христос, Который есть высочайшая и совершеннейшая любовь, святость, чистота». И действительно, Преосвященный Георгий исполнял свое епископское служение до конца своей жизни в этом духе, т. е. в духе мира и любви.

По должности епископа он исполнял обязанности управляющего сарапульских градских церквей и церквей 1-го, 2-го и 3-го округов, Воткинским викариатством, Малмыжским викариатством, Сарапульской

епархией, Уржумским викариатством; исполнял обязанности епископа Курганского, управляющего православными приходами Петропавловской епархии, с 1929 г. епископа Нолинского; в 1938 г. назначается епископом Вологодским. В 1940 г. Преосвященный Георгий возвратился в г. Молотовск, где и жил на покое до своей блаженной кончины.

Очень хорошо охарактеризовал деятельность епископа Георгия епископ Вятский Стефан. Вот что он писал епископу Георгию: «Ваша неустанная и энергичная архипастырская деятельность во вверенном Вам Нолинском викариатстве, как мне известно, весьма много содействует правильному течению церковной жизни уезда. Ваше торжественно-умилительное богослужение, как в городских храмах, так и в храмах сельских, сопровождаемое живым словом Вашей проповеди, привлекает в храмы массу молящихся, а простое, сердечное и внимательное обращение Вашего Преосвященства с духовенством, сближает его с Вами, как с любящим отцом. Все это вместе взятое весьма содействует укреплению в верующем населении вверенного Вам викариатства истинно-православного настроения, оберегая его от тлетворного влияния современных церковных расколов».

17 ноября 1946 г. Преосвященный Георгий совершил освящение воды в городе Молотовске Успенского храма и потом, хотя изредка, совершал служение в этом храме. Архиерейское служение доставляло всем молящимся особенное умирительно-религиозное настроение. В последний раз Преосвященный Георгий совершил всенощное бдение 13 февраля накануне праздника Сретения Господня и намерен был служить и в самый праздник Божественную Литургию, но в ночь заболел. 17 февраля врач определил у Владыки заворот кишек и в 7 ч. вечера назначил операцию. Перед операцией в больнице состоялась последняя прощальная беседа Преосвященного Георгия с настоятелем церкви прот. Н. Ф. Владыка говорил: «Я совершенно спокойно встречаю смерть. Передайте пастве и клиру, что я всех прощаю, посылаю свое архипастырское благословение и прошу всех простить меня и помолиться за меня». Затем дал указания относительно облачения и гроба. В 8 час. вечера 17 февраля после операции Преосвященный Георгий тихо почил о Господе. О кончине Преосвященного Георгия телеграфом был извещен Святейший Патриарх Алексий, который телеграфом же выразил соболезнование.

Отпевание владыки Георгия состоялось 20 февраля. Отпевание совершали 3 протоиерея, 3 священника и 2 диакона при многолюдном собрании верующих, пришедших помолиться и проститься с любимым архипастырем.

Да будет вечная, добрая память о почившем архипастыре Георгии!

**НАСТОЯТЕЛЬ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ, г. МОЛОТОВСКА
КИРОВСКОЙ ЕПАРХИИ, ПРОТОИЕРЕИ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ**

СОДЕРЖАНИЕ

Церковная жизнь

<i>Л. Парийский. К 50-летию юбилею Митрополита Григория . . . . .</i>	3
<i>Резолюция Святейшего Патриарха Алексия о награждении протоиерея А. П. Смирнова . . . . .</i>	5
<i>Свящ. Сергей Афонский. Открытие Киевской Духовной Семинарии . . . . .</i>	6
<i>Хроники . . . . .</i>	11

Речи, проповеди

<i>Митрополит Николай. Вера, Надежда, Любовь . . . . .</i>	12

Статьи

<i>А. Шаповалова. Высокая награда . . . . .</i>	16
<i>Проф. И. Г. Айвазов. Краеугольный камень Церкви Христовой . . . . .</i>	20
<i>Никита Волнянский. Митрополит Макарий — светоч русской культуры XVI века . . . . .</i>	26
<i>Свящ. В. Ганецкий. Св. Димитрий, Митрополит Ростовский . . . . .</i>	42
<i>Прот. Валентин Поликарпов. Смоленск, его историческое прошлое и значение его в истории Русской Церкви и государства . . . . .</i>	49

Из жизни наших епархий

<i>Из Ленинградской епархии . . . . .</i>	55
<i>Из Горьковской епархии . . . . .</i>	55
<i>Из Кировской епархии . . . . .</i>	56

Издатель:	Редактор:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ	РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции
„Журнала Московской Патриархии“ протоиерею А. П. Смирнову—Москва, 54.
Чистый пер., 5. Редакция „Журнала Московской Патриархии“. Зак. 379

13-я тип. треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете министров СССР.
Москва, Денисовский, 30.

Цена 10 руб.